СИДНИ ШЕЛДОН

Безрассудная

Тилли Бэгшоу

Шелдон-best

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон. Безрассудная

«АСТ»

2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бэгшоу Т.

Сидни Шелдон. Безрассудная / Т. Бэгшоу — «АСТ», 2015 — (Шелдон-best)

ISBN 978-5-17-099133-4

Трейси давно покончила с прошлым, счастливо живет в горной глуши Колорадо, растит любимого сынишку…Но однажды в ее уютный маленький мир приходит беда. И теперь блестящая аферистка и мошенница вынуждена вспомнить секреты былой профессии…Группа хакеров угрожает безопасности всех людей на планете, во главе этой группы стоит таинственная женщина, зовущая себя Алтеей. Ее не в силах поймать даже самые опытные агенты спецслужб – и тогда ЦРУ обращается за помощью к Трейси, не знающей себе равных, если надо добраться до чего-то или кого-то…

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099133-4

© Бэгшоу Т., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Часть I 6
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 29
Глава 6 38
Глава 7 43
Глава 8 48
Глава 9 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Тилли Бэгшоу
Сидни Шелдон: Безрассудная

Billy Bagshawe
SIDNEY SHELDON'S RECKLESS
Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.
© Sheldon Family Limited Partnership, successor to the Rights and Interests of Sidney Sheldon, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

***

Великолепный подарок поклонникам Сидни Шелдона – роман, основой которого стали черновики самого Мастера!

Превосходно закрученная интрига, острый, захватывающий сюжет, яркие характеры – эта книга будет интересна не только фанатам Шелдона, но и просто любителям классных триллеров!
Bookist

Если вам нужна книга, которая заставляет забыть обо всем, – это именно то, что надо!
Daily News

Мастерски рассказанная истрия, которую читаешь затаив дыхание!
USA Today

Более захватывающей истории не смог бы написать и сам Шелдон!
Sunday Patriot News

***

Посвящается Белен,
с любовью

Часть I

Глава 1

Королевская военная академия Сандхерст, Англия
Суббота, 22 ноября, 21:00

– Сэр!

Кадет Себастьян Уильямс ворвался в кабинет генерал-майора Фрэнка Дорриена. Лицо побелевшее, волосы растрепанные, форма в безобразном виде. Губы Фрэнка Дорриена искривились: вопиющее нарушение устава!

– В чем дело?

– Принц Ахилл, сэр!

– Принц Ахилл? Вы имеете в виду офицера-слушателя Константиноса?

Уильямс потупился.

– Да, сэр.

– Ну и что с ним?

На какой-то ужасный миг генералу Дорриену показалось, что Уильямс сейчас расплачется.

– Он мертв, сэр.

Генерал-майор смахнул невидимую пылинку с кителя. Высокий, худой, с жилистой фигурой бегуна-марафонца и с угловатым лицом, казалось, что оно высечено из кремня, генерал Дорриен смотрел на Уильямса совершенно бесстрастно.

– Мертв?

– Да, сэр. Я нашел его… повесившимся. Только что. Это ужасно, сэр! – Кадет Уильямс задрожал. Господи Иисусе, ну и стыдобище.

– Проводите меня.

Фрэнк Дорриен взял свой потертый атташе-кейс и пошел вслед за потрясенным кадетом по коридору без окон в сторону казарм. Юноша то ли шел, то ли бежал, руки и ноги у него дергались, как у марионетки на перепутанных веревочках. Фрэнк Дорриен покачал головой. Солдаты, вроде кадета Себастьяна Уильямса, воплощают в себе все то, что неправильно и плохо в современной армии.

Никакой дисциплины. Никакого порядка. Никакой на хрен отваги.

Целое поколение болванов.

Ахилл Константинос, греческий принц, такой же мерзкий тип. Испорченный, наглый. Похоже, эти юнцы думают, будто служба в армии – это какая-то игра.

– Вон там, сэр. – Уильямс показал на мужской туалет. – Он все еще… я не знал, нужно ли мне обрезать веревку.

– Благодарю вас, Уильямс.

На лице Фрэнка Дорриена не отражалось никаких эмоций. Генералу было за пятьдесят, седой, с прямой спиной, прирожденный солдат. Его тело было результатом целой жизни, полной безжалостной физической дисциплины, оно идеально дополняло строго контролируемый мозг.

– Свободны, можете идти.

– Сэр? – Кадет Уильямс растерянно затоптался на месте. Неужели вы действительно хотите, чтобы я ушел?

Себастьяну Уильяму совсем не хотелось снова увидеть Ахилла. Труп принца навеки запечатлелся в его памяти. Раздувшееся лицо с выпученными глазами, тело, свисавшее с балки, было похоже на чучело Гая Фокса в Ночь костров[1]. Наткнувшись на него, Уильямс перепугался до смерти. Может, по документам он и солдат, но ему еще не доводилось видеть мертвецов.

– Вы оглохли? – рявкнул Фрэнк Дорриен. – Я сказал «можете идти».

– Да… Есть, сэр.

Фрэнк Дорриен дождался, пока кадет Уильямс уйдет, а затем открыл дверь в туалет, и первое, что увидел, – это сапоги юного принца, болтавшиеся на уровне глаз перед открытой кабинкой. Уставные, черные, прекрасно начищенные. С точки зрения генерала Дорриена, образец красоты.

У каждого кадета Сандхерста должны быть такие сапоги.

Дорриен поднял глаза. Форменные брюки принца были испачканы. К несчастью, в момент смерти кишечник часто опорожняется. Последнее унижение. Учуяв мерзкую вонь, Дорриен поморщился.

Взгляд поднялся еще выше, и генерал-майор посмотрел в лицо мертвого юноши.

Принц Ахилл Константинос смотрел на него широко раскрытыми в момент смерти остекленевшими карими глазами. Застывший взгляд словно спрашивал: неужели этот мир может быть таким жестоким?

Глупый мальчишка, подумал Фрэнк Дорриен.

Сам Фрэнк был хорошо знаком с жестокостью, поэтому ничему давно не удивлялся, а вздохнул не из-за трупа, а из-за того дерьма, в которое они влипли. Член греческой королевской семьи покончил жизнь самоубийством. В Сандхерсте! Повесился, словно обычный воришка. Как трус. Как ничтожество.

Грекам это не понравится. И британскому правительству тоже.

Фрэнк Дорриен четко развернулся, спокойно отправился в свой кабинет и взял телефонную трубку.

– Это я. Боюсь, у нас возникла проблема.

Восточная Европа, Словакия, Братислава
Воскресенье, 23 ноября, 02:00

Капитан валлийских пехотинцев Боб Дейли, глядя в камеру, произносил короткую речь, которую ему вручили накануне вечером. Уставший, замерзший, он никак не мог понять, почему те, кто захватил его в плен, занимаются этой ерундой. Они же не дураки и должны понимать, что требования, предъявляемые британскому правительству, нелепы и абсурдны: распустить Банк Англии; конфисковать активы тех граждан Соединенного Королевства, у кого они превышают один миллион фунтов стерлингов; закрыть фондовую биржу…

Никто в «Группе-99», ультралевой организации, похитившей Боба Дейли с улицы в Афинах, не верил в то, что все это произойдет. Похищение Боба и речь, которую он сейчас произносил, определенно являлись масштабным пиар-ходом. Через несколько недель его отпустят и придумают другой способ попасть в заголовки выпусков международных новостей. Если что-то и можно сказать о «Группе-99», то лишь одно: они настоящие мастера саморекламы.

Группа получила свое название в честь 99 процентов населения Земли, которые контролируют менее половины мирового богатства. «Группа-99» называла себя «Хакерами Робин Гуда» и ставила своей целью вредить серьезным деловым кругам от имени обездоленных. Молодые, отлично разбирающиеся в компьютерах, отрицающие любую иерархию, они до сих

[1] В эту ночь, пятую после Хеллоуина, в Великобритании отмечают провал Порохового заговора под предводительством Гая Фокса. – *Здесь и далее примеч. пер.*

пор ограничивали свою деятельность кибератаками на цели, которые считали коррумпированными. Сюда относились мультинациональные компании вроде «Макдоналдс», а также правительственные организации, якобы защищавшие интересы богатых – того самого ненавистного одного процента населения.

Они взломали электронную систему ЦРУ и опубликовали сотни компрометирующих личных имейлов, разоблачив самым бесстыдным образом британское министерство обороны, бравшее взятки за предоставление мест в Сандхерсте сыновьям европейской состоятельной элиты.

После каждой атаки на мониторах тех, кто был их мишенями, появлялись воздушные красные шары – логотип «Группы» и издевательская отсылка к популярной в 1980-е годы песне «99 красных шаров». Именно такие особенности – юмор и презрение к властям – сделали «Группу-99» практически культовой среди молодежи всей планеты.

В течение последних восемнадцати месяцев «Группа» обратила свое внимание на мировой фрекинг-бизнес[2]. Они совершили хакерские атаки на «Эксон Мобил» и «Би-Пи», а также на двух главных китайских игроков. Интерес к охране природы еще больше повысил их популярность среди молодежи и привлек к ним некоторых выдающихся деятелей Голливуда.

Капитан Боб Дейли и сам ими восхищался, хотя не одобрял их политические методы, но после трех недель, проведенных взаперти в горной хижине в каком-то богом забытом лесу под Братиславой, шутка перестала ему нравиться. Теперь они разбудили его в два часа ночи и выволокли наружу, чтобы записать нелепейшее видео при минусовой температуре. Было так холодно, что у Боба Дейли заныли зубы. «Одно радует, – говорил он себе. – Скоро все закончится, и я отправлюсь домой».

Так ему обещали. Он будет первым. Затем, через несколько недель, настанет очередь американца. Хантера Дрекселя, американского журналиста, схватили на улице в Москве в ту же неделю, что и Боба в Афинах. Хантера похитили почти случайно, это был спонтанный способ вызвать шумиху в США. Похищение Боба планировалось более тщательно. Это была его первая поездка за границу в качестве тренировочного упражнения для МИ-6, и кто-то в «Группе-99» точно знал, где и когда он будет находиться. Боб был убежден, что у них есть источник в самом МИ-6. Иного рационального объяснения быть не могло. Его похищением стремились максимально скомпрометировать как армию, так и МИ-6. «Группе-99» было на руку, что Боб на самом деле был достопочтенным Робертом Дейли, происходил из богатой британской семьи, относящейся к высшему обществу и обладающей хорошими связями. Мало кто любит сливки общества.

«Не принимайте на свой счет, ничего личного, – сказал ему с улыбкой один из похитителей на превосходном английском. – Но вы в некотором роде олицетворяете собой привилегии. Расценивайте это как новый опыт. Вы просто вносите свой вклад в борьбу за равенство».

Что ж, это действительно новый опыт. Хантер Дрексель стал ему хорошим другом, хотя был полной противоположностью. Если Боб Дейли – приверженец традиций, консерватор и настоящий патриот, то Хантер – бродяга, индивидуалист и любитель риска во всех его видах. Но нет ничего вернее крепкой дружбы, зародившейся в результате трех месяцев взаперти в какой-то глуши. Когда он доберется до дома, Боб сможет продать свои мемуары, уволится из армии и забудет как страшный сон неудавшуюся карьеру разведчика. Его жена Клер будет в восторге.

– Пожалуйста, смотрите прямо в камеру. И придерживайтесь текста.

Это сказал грек, тот, кого называли Аполло. У всех в «Группе-99» имелись греческие кодовые имена, которые использовались и во время онлайн-общения, хотя в «Группу» входили люди со всего света. Аполло был настоящим греком, одним из основателей «Группы-99».

---

[2] Фрекинг – метод добычи энергоресурсов, в том числе сланцевого газа, путем гидроразрыва пласта.

«Группа» образовалась в Афинах в результате эйфории, вызванной избранием самого «левого» премьера страны, профсоюзного активиста Элиаса Каллеса. Возможно, именно по этой причине они придерживались греческих кодовых имен.

Боб Дейли и Хантер Дрексель не любили Аполло, заносчивого и, в отличие от остальных, совершенно лишенного чувства юмора. Сегодня он вырядился в черную военную форму, лицо его скрывала вязаная балаклава.

«Играет в солдатиков, – подумал Боб Дейли. – Воображает себя большим начальником в военном лагере. Жалкое зрелище».

Чем будут заниматься эти дети, когда вырастут? Когда все это приключение под названием «Группа-99» закончится?

Когда Аполло поймают, а Боб не сомневался, что рано или поздно это случится, его ждет серьезный тюремный срок. Он вообще об этом задумывается?

– Меня зовут капитан Роберт Дейли, – с безупречной дикцией начал Боб, глядя прямо в камеру.

Чем скорее все закончится, тем быстрее он сможет вернуться в хижину, в теплую постель. Уж лучше слушать храп Хантера Дрекселя, чем торчать тут, в снегу, ради этого дурацкого «Маппет-шоу».

Закончив, Боб поднял взгляд.

– Нормально?

– Просто отлично, – ответил тот из-под балаклавы.

– Теперь со мной всё?

Боб Дейли увидел сквозь прорезь маски ухмылку грека.

– Да, капитан Дейли, всё.

И, пока камера продолжала снимать, Аполло вытащил пистолет и выстрелил пленнику в голову.

Манхэттен
Суббота, 22 ноября, 21:00

Алтея, скрестив длинные ноги, сидела на замшевом диване в своих апартаментах стоимостью пять миллионов долларов и в очередной раз наблюдала на мониторе, как пуля разрывает череп Боба Дейли. За окном на деревья Центрального парка мягко падал снег. В Нью-Йорке стояла прекрасная холодная зимняя ночь. Кровь и мозги капитана Дейли забрызгали линзы камеры.

«Какая прелесть, – думала Алтея, чувствуя, как ее накрывает волна удовольствия, – наблюдать за этим в реальном времени в комфорте собственной гостиной. Право же, современные технологии просто поразительны».

Она протянула руку и пальцем с безупречным маникюром притронулась к монитору, почти ожидая, что он окажется влажным. Кровь Дейли еще должна быть теплой. «Как хорошо, что он мертв».

Тело англичанина повалилось и рухнуло на землю, как мешок. Аполло встал перед камерой, стянул с головы балаклаву, протер объектив и улыбнулся Алтее.

– Счастлива?

– Очень!

Она заметила выпуклость на его ширинке: убийство его определенно возбудило.

Алтея выключила компьютер, подошла к холодильнику и, достав бутылку «Кло д'Амбоне» 1996 года, налила себе бокал.

– За тебя, мой милый.

Спустя несколько часов казнь капитана Дейли окажется на первых страницах газет по всему миру. Похищения и убийства стали обычным явлением на Ближнем Востоке, но ведь это Запад. Это Европа. Это «Группа-99», «Хакеры Робин Гуда». Хорошие парни.

В каком шоке и ужасе будут все!

Алтея провела рукой по длинным темным волосам. Скорей бы!

Глава 2

– Это кошмар.

Джулия Кабот, новый британский премьер-министр, сжала голову руками. Кроме нее, в ее личном кабинете по адресу: Даунинг-стрит, 10, находились Джейми Макинтош, глава МИ-6, и генерал-майор Фрэнк Дорриен. Дорриен, профессиональный военный с множеством наград, был ведущим агентом МИ-6, о чем знали лишь избранные, всего несколько человек, причем его жена в это число не входила.

– Пожалуйста, скажите мне, что я скоро проснусь.

– Кому уже не проснуться, так это Бобу Дейли, премьер-министр, – сухо заметил Фрэнк Дорриен. – Неприятно напоминать, но я вас об этом предупреждал.

– Вот и не напоминайте, – огрызнулся Джейми Макинтош. Фрэнк, конечно, отважный человек и блестящий агент, но его манера вставать в позу морального превосходства ужасно раздражает. – Никто из нас не мог предсказать подобное. Это же Евросоюз, а не Алеппо.

– И кучка чокнутых подростков в толстовках, разрисованных красными шариками, а не ИГИЛ, – в отчаянии добавила Джулия Кабот. – «Хакеры» не убивают людей!

– Лиха беда начало, – возразил Фрэнк. – Теперь убивают. И кровь капитана Дейли на наших руках.

Трудно не принимать убийство Боба Дейли близко к сердцу отчасти потому, что Фрэнк Дорриен знал его лично. Они вместе служили в Ираке, причем в таких условиях, каких ни Джулия Кабот, ни Джейми Макинтош себе представить не могут. Кроме того, именно Фрэнк предупреждал, что не стоит относиться к «Группе-99» как к детской шутке. Дорриен знал, что такие банды всегда начинают с высоких идеалов, но практически всегда заканчивают насилием. Небольшая группировка продвигается вверх, становится все опаснее и кровожаднее и в конце концов отнимает власть у умеренного большинства. Это произошло с коммунистами в России после революции. Это случилось с настоящей ИРА. Это произошло с ИГИЛ. И не имеет значения, какую они исповедуют идеологию. Все, что требуется, – это злые, обездоленные, накачанные тестостероном молодые люди, жаждущие власти и внимания, и в результате происходят скверные, очень скверные вещи.

МИ-6 несколько недель не занималась никакой разведывательной деятельностью для выяснения, где удерживают капитана Дейли и Хантера Дрекселя, потому что никто не верил, что заложникам угрожает серьезная опасность. Более того, когда Фрэнк предложил послать для его спасения отряд САС[3], на него набросились все – и правительство, и разведывательное сообщество.

– Ты что, из ума выжил? – спросил его тогда Джейми Макинтош. – Словения – страна, которая входит в Евросоюз, Фрэнк.

– И?..

– И мы не можем посылать наших военных в суверенное государство, к нашему чертову союзнику. Это исключено.

В результате ничего не было сделано, а теперь сотни миллионов людей по всему земному шару увидели, как мозги Боба Дейли разлетелись, забрызгав экран. Знаменитости, которые только на прошлой неделе стояли в очереди, чтобы сфотографироваться, прицепив на смокинг значок с красными воздушными шариками, чтобы поддержать благородную цель экономического равенства, теперь стремились отмежеваться от этого ужаса. Похищение и убийство прямо тут, в Европе!

[3] Подразделение специального назначения вооруженных сил Великобритании.

– Я понимаю, что ты злишься, Фрэнк, – угрюмо произнесла Джулия Кабот. – Но мне необходим конструктивный подход. Американцы вопят во все горло: боятся, что их заложник будет следующим.

– Правильно боятся, – буркнул Фрэнк.

– Мы все хотим добраться до этих ублюдков. – Кабот повернулась к шефу разведки. – Джейми, что нам известно?

– «Группа-99». Основана в Афинах в 2015 году компанией греческих компьютерных асов под названием «Хакеры Робин Гуда». Стремительно распространилась по всей Европе, добралась до Южной Америки, Азии, Африки… Заявленная программа – экономическая, направленная на борьбу с нищетой и глобальным дисбалансом в распределении материальных благ. Весьма приблизительно их можно отнести к коммунистам, хотя политические, националистические и религиозные убеждения у них отсутствуют. Онлайн используют греческие кодовые имена.

– А что насчет их лидеров? – спросила Кабот.

– Всплыла парочка имен. Мы думаем, что парень под кодовым именем Гиперион – это двадцатисемилетний венесуэлец Хосе Эрнандес. Тот самый, кто слил личные имейлы бывшего босса Эксон.

Кабот вспомнила нападки «Группы-99» на злополучного нефтяного босса. Несмотря на отставку главного исполнительного директора, стоимость акций упала на сотни миллионов долларов.

– Это ты про кокаиниста, у которого любовница-транссексуал?

– Совершенно верно. Ирония в том, что сам Эрнандес родом из очень богатой и влиятельной семьи. Возможно, это и помогало ему скрываться от властей. И еще: у «Хакеров» нет явных лидеров, группа не одобряет традиционную иерархию во всех ее формах. Поскольку она анонимна и базируется на интернет-технологиях, банда скорее представляет собой свободное сообщество, а не классическую террористическую организацию. Отдельные люди и ячейки действуют независимо, хотя объединены одним большим общим зонтом.

Кабот вздохнула:

– То есть это гидра с тысячей голов или вообще безголовая.

– Именно.

– А что насчет финансирования? Нам известно, откуда они берут деньги?

– Это интересный аспект. Для организации, объявляющей себя противницей накопления богатств, они, похоже, отмывают слишком много денег. Инвестируют в технологии, чтобы финансировать свои кибератаки. Нужны большие деньги, чтобы все время быть на шаг впереди в игре против высокотехнологичных организаций вроде «Майкрософта» и Пентагона.

– Могу себе представить, – протянула Кабот.

– Мы также уверены, что именно они скрываются за различными мультимиллионными анонимными пожертвованиями как благотворительным организациям, так и левым политическим партиям. Многочисленные источники указывают на некую женщину, американку, которая является не только одним из их крупнейших спонсоров, но и одновременно определяет стратегические задачи «Группы». Вы помните случившуюся год назад атаку на ЦРУ, когда они опубликовали массу компрометирующих личных имейлов ведущих сотрудников Лэнгли?

Премьер-министр кивнула.

– Американцы считают, что это ее рук дело. Она действует под кодовым именем Алтея, но это практически все, что о ней известно.

Джулия Кабот встала и подошла к окну, ощущая, как взгляд Фрэнка Дорриена впивается ей в спину. Этот старый солдат был ей неприятен. Всего неделю назад они встречались, чтобы обсудить трагическое и дипломатически щекотливое самоубийство юного греческого принца в Сандхерсте. Ее поразило почти полное отсутствие сочувствия у генерала к юноше и равно-

душие по отношению к возможным политическим последствиям его смерти для британской армии.

«Может, у него была депрессия? – Вот единственное объяснение, которое он предложил. А когда она стала настаивать, пришел в раздражение: – При всем моем уважении, премьер-министр, я был его командиром, а не психотерапевтом!»

«Да, – сердито подумала Джулия Кабот, – а я твой командир».

Ей было непонятно, почему Дорриен ей грубит: потому что она женщина или это его обычная манера? Однако в данном случае генерал прав: кровь Боба Дейли на ее руках. А если Хантер Дрексель, американский журналист, тоже погибнет, она никогда себе этого не простит.

– В данном вопросе мы должны сотрудничать с американцами, – объявила Джулия. – Нужна полная прозрачность.

Джейми Макинтош удивленно вскинул бровь. «Полная прозрачность» не те слова, которые он любил.

– Они должны вытащить оттуда Дрекселя. Я хочу, чтобы вы передали ЦРУ все, что у вас имеется, Джейми: возможное местонахождение… все.

– Значит, мы собираемся спасать их человека, после того как бросили на произвол судьбы нашего? – Фрэнк Дорриен выглядел взбешенным.

– Мы не должны ударить в грязь лицом и сделаем все возможное, генерал! – отрезала премьер-министр. – В ответ мы ожидаем, что ЦРУ поделится с нами данными своей разведки о глобальной сети «Группы». До сих пор их кибератаки фокусировались в основном на американских мишенях: их компании и правительственные организации пострадали гораздо сильнее наших. Я уверена, что у них на этих ублюдков есть горы материалов.

– Вне всякого сомнения, премьер-министр, – сухо отозвался Фрэнк Дорриен.

Надо же, как он умеет превратить любое свое замечание в критику.

– Что-то заставило этих людей изменить тактику, – продолжила Кабот, проигнорировав его реплику. – Что-то превратило их из высокотехнологичных пранкеров в похитителей и убийц. И я хочу знать, что именно.

– Мне это не нравится. Мне это совершенно не нравится.

Президент Джим Хейверс нахмурился, окинув взглядом троих мужчин, сидящих за столом в его Овальном кабинете: лысого коротышку Грега Валтона, главу ЦРУ, Милтона Бака, ведущего агента ФБР по борьбе с терроризмом, и генерала Тедди Макнейми, главу объединенного комитета начальников штабов.

– Никому из нас это не нравится, господин президент, – сказал Грег Валтон. – Но какова альтернатива? Если мы не вытащим Дрекселя сейчас, немедленно, как бы нам не пришлось любоваться его мозгами, растекшимися по монитору. Если мы не начнем действовать согласно этим разведданным…

– Я знаю. Я знаю! Но что, если его там нет? Я имею в виду – если британцы так чертовски уверены, почему они не вытащили оттуда своего парня?

У президента были причины для паники: и конгресс, и американская общественность требовали сделать все возможное для спасения Хантера Дрекселя. Но если разведданные, полученные от британцев, верны, то, чтобы спасти Дрекселя, нужно провести военную операцию в стране Евросоюза. И так на Соединенные Штаты обрушилась критика за то, что войска были отправлены в Пакистан, чтобы вывезти оттуда Усаму бен Ладена.

А теперешняя история – совершенно другое дело.

Словакия – союзник, демократическое государство Восточной Европы. Тамошний президент и граждане вряд ли обрадуются тому, что в их воздушное пространство вторгнутся американские военные вертолеты и «морские котики» начнут прыгать с них в горы – те самые

горы, которые, как категорически утверждают словаки, никогда не служили надежной гаванью ни для «Группы-99», ни для любых других террористов.

И что, если словаки правы, а британская разведка ошибается? Что, если Хейверс пошлет войска, а Дрекселя там не будет? Если хотя бы один житель Словакии прольет из-за этого свой кофе, президента Хейверса выволокут на заседание ООН и забросают тухлыми яйцами раньше, чем кто-нибудь вспомнит о нарушении международного законодательства.

– Может быть, они его отпустят, – неуверенно, пытаясь убедить самого себя, произнес президент.

Все трое одновременно с таким недоумением посмотрели на своего главнокомандующего, что тот смутился:

– Я просто имел в виду, что такая возможность не исключена.

– Полагаю, британцы тоже так думали… до прошлой недели, – заметил Грег Валтон.

– Но, может, то, что произошло с капитаном Дейли, единичный случай… – возразил президент, хватаясь за соломинку. – Помрачение ума. В конце концов, «Группа» никогда раньше не проявляла склонности к насилию.

– Зато чертовски убедительно проявила сейчас, сэр, – хмуро произнес генерал Макнейми. – Неужели мы действительно можем пойти на такой риск?

– Мне совершенно непонятно, почему они вообще похитили Хантера Дрекселя. – Президент Хейверс досадливо провел рукой по волосам. – Я имею в виду, с какой целью? Никудышный журналист, азартный картежник, уволенный из «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс». Каким образом такой человек может относиться к одному проценту населения, против которого, как утверждает «Группа», она борется? Насколько я понял, он едва в состоянии оплачивать свои счета. Что он может символизировать?

– Он американец, – спокойно заметил фэбээровец Милтон Бак.

– И этого достаточно?

– Для некоторых, – согласился Грег Валтон. – Эти люди необязательно мыслят рационально, сэр.

– Черт знает что! – Президент сердито покачал головой. – То они посылают всплывающие воздушные шары на чужие мониторы и штурмуют сцену во время церемонии «Оскара», а то вдруг снимают фильмы с настоящим убийством. Я хочу сказать, Господи Исусе, а дальше-то что? Начнут сжигать людей в клетках? Это все какой-то дурной сон. Это же Европа!

– Освенцим тоже Европа, – мрачно заметил генерал.

Наступила напряженная тишина.

Если Джим Хейверс пошлет «котиков» и операция увенчается успехом, то станет героем, во всяком случае, дома. Разумеется, этим он будет обязан британцам. Джулия Кабот уже потребовала больше информации по глобальной сети «Группы-99» и источникам ее финансирования, в частности по Алтее, то есть информации, которой ЦРУ не особенно хотело делиться. Если все получится, у президента Хейверса не останется выбора: придется делиться, хотя оно того стоит. Его рейтинги взлетят выше головы.

С другой стороны, если Дрекселя нет там, где, по словам британцев, он должен находиться, крайним сделают его, Хейверса, а не Джулию Кабот. Репутация Америки за рубежом рухнет ниже плинтуса, а он может попрощаться с надеждой на второй срок.

Президент закрыл глаза и медленно выдохнул. В эту минуту Джим Хейверс ненавидел Хантера Дрекселя так же люто, как «Группу-99».

Как до такого дошло?

– К чертям собачьим! Давайте войдем в страну и вытащим оттуда этого сукина сына.

Глава 3

Хантер Дрексель прижал радио к уху, стараясь не пропустить ни слова. Сквозь потрескивание помех голос диктора Всемирной службы Би-би-си был едва слышен: «Пока усиливается беспокойство за жизнь похищенного американского журналиста Хантера Дрекселя, в военной академии Сандхерст в Беркшире прошла минута молчания в память о капитане Роберте Дейли, жестокое убийство которого террористической «Группой-99» потрясло на прошлой неделе весь мир».

Хантер подумал: значит, теперь они террористическая «Группа-99» – и горько рассмеялся. Забавно, как одно небольшое убийство меняет все.

Две недели назад Би-би-си не могла нарадоваться на «Группу-99», как и прочие мировые СМИ, которые лебезили перед «Хакерами Робин Гуда», будто юные фанатки на концерте бойбанда «Уан Дирекшн».

А с другой стороны, чем он, Хантер, лучше их? В конце концов, он тоже превратно судил о «Группе-99». Когда его похитили, он как раз работал над статьей о коррупции во всемирном фрекинг-бизнесе. В особенности его интересовали миллиарды долларов, перетекающие между Соединенными Штатами, Россией и Китаем, и секретность, с которой заключались контракты на бурение, в то время как нефтяные гиганты всех трех стран делили баснословные доходы. В Хьюстоне, Москве и Пекине разрабатывались устные договоренности, вопиющим образом противоречившие международному торговому законодательству. В то время Хантер считал «Группу-99» своим союзником, таким же противником необузданной коррупции в энергетическом бизнесе, как и он сам. По иронии судьбы, он направлялся в московский офис Камерона Крю, основателя и владельца «Крю инкорпорейтед» и одного из очень немногих «хороших парней» во фрекинг-бизнесе, когда его затащили в подворотню, усыпили хлороформом и затолкали в багажник «мерседеса», причем не кремлевские головорезы, а те, кого он считал союзниками.

Он мало что помнил о долгом путешествии к этой хижине, разве что смену автомобиля и недолгий полет на вертолете.

А через несколько дней в хижине появился Боб Дейли, которого Хантеру представили как соседа по комнате. Все выглядело исключительно цивилизованно: теплые постели, радио, сносная еда и, к восторгу Хантера, колода карт. Если нужно, он мог существовать и без свободы, даже секс был роскошью, без которой можно обходиться, но жизнь без покера теряла смысл. Они с Бобом играли каждый день, иногда часами напролет, делая ставки камешками, как детишки. И если бы не вооруженные часовые за дверью хижины, Хантер вполне мог убедить себя, что принимает участие в каком-нибудь студенческом розыгрыше или телевизионном реалити-шоу. Даже часовые выглядели неуверенно и слегка смущенно, словно понимали, что шутка зашла слишком далеко, но не знали, как выйти из игры, не потеряв лицо.

За исключением Аполло.

Хантер ненавидел это тупое греческое прозвище за претенциозность, но раз уж нет другого имени для ублюдка, застрелившего Боба, приходится пользоваться этим. Аполло, в отличие от остальных, был агрессивен, вспыльчив и преисполнен ощущением собственной важности. Хантер хоть и считал его садистом и скотиной, но все-таки не думал, что он готов пойти на убийство.

Казнь Боба повергла в настоящий шок не одного Хантера, а весь лагерь. Его часовые искренне ужасались тому, что произошло: кто-то плакал, кого-то рвало, но ни у кого не хватило смелости хоть раз осадить Аполло.

Вот она, новая реальность. Все оказались в ней по самую макушку.

Радиосигнал слабел. Хантер безнадежно крутил ручку настройки, пытаясь найти хоть что-нибудь, что угодно, лишь бы забыть про страх. За свою журналистскую карьеру он не раз бывал в опасных ситуациях: попадал под обстрел в Алеппо и Багдаде, едва избежал гибели при крушении вертолета в Восточной Украине, но в зоне военных действий его поддерживал адреналин. Там некогда бояться и легко проявлять отвагу. Здесь же, в тишине хижины, где компанию Хантеру составляла лишь опустевшая кровать друга да собственные лихорадочные мысли, страх наваливался как гигантская черная жаба, выдавливая весь воздух из тела и надежду из души.

«Они убьют меня, убьют и похоронят в лесу рядом с Бобом».

В самом начале, в первые часы и дни после гибели Боба, Хантер еще осмеливался надеяться: «Кто-нибудь меня найдет, ведь все сейчас ищут: британцы, американцы… Кто-нибудь обязательно появится и спасет…» – но шли дни, и никто не приходил, надежда умирала.

В радиоприемнике что-то громко затрещало и сигнал окончательно заглох. Хантер неохотно забрался обратно под одеяло и попытался заснуть. Все тело ныло от изнеможения, но сознание только набирало обороты. Образы мелькали перед внутренним взором, как пули: мать в чикагской квартире, в обшарпанном кресле, вне себя от беспокойства; последняя любовница, Фиона из «Нью-Йорк таймс», орущая на него в день отъезда в Москву из-за того, что он ей изменял: «Надеюсь, кто-нибудь из путинских головорезов забьет тебя до смерти монтировкой. Говнюк!»; Боб Дейли отпускает одну из своих дурацких острот в ночь перед тем, как сняться в том видео. В ночь перед тем, как Аполло вышиб ему мозги…

Его тоже заставят записать видео? Осталась ли на объективе кровь Бобби?

Ледяные мурашки ужаса поползли по телу, впиваясь в кожу, как иголки.

«Нет! Я должен отсюда выбраться!»

Хантер резко сел, хватая ртом воздух, пытаясь унять взбунтовавшийся кишечник. «Прошу тебя, Господи, помоги мне! Покажи, как отсюда выбраться!»

До этой минуты он даже не догадывался, как отчаянно не хочет умирать. Может, именно сейчас он точно понял: это обязательно произойдет. Любая спасательная миссия уже отыскала бы его.

«Никто не знает, где я, а значит, никто не придет…»

И в самом деле, с какой стати кому-то его спасать? Хантер Дрексель никогда не проявлял особой любви к своему отечеству, так какое он имеет право ждать любви от него? Хантер никогда толком не понимал смысл патриотизма. Преданность стране или идеологии всегда была для него непостижима. Его особенно интересовали такие люди, как члены «Группы-99», полностью посвятившие свою жизнь благому делу. Почему? Хантер Дрексель видел мир исключительно через отдельных людей. Личности имели значение. Идеи – нет. У Хантера было гораздо больше общего с мировоззрением и политическими убеждениями «Группы-99», чем с убеждениями Боба Дейли, хотя Боб был хорошим человеком, в отличие от Аполло, или как там его по-настоящему зовут. В конечном счете только это имеет значение, а не ярлыки, которые навешивают на каждого: солдат, радикал, террорист, шпион.

Это всего лишь пустые слова, и ничего больше.

Если Хантер Дрексель как-то себя позиционировал, то исключительно как журналиста. Написанное что-то значит. Правда что-то значит. Вот и вся идеология Хантера.

Он окинул взглядом деревянную хижину, служившую ему домом последние несколько месяцев, и попытался успокоить дыхание. Тяжелую деревянную дверь подпирал обрубок ствола, снаружи посменно дежурили часовые. После смерти Боба окно крест-накрест забили железными прутьями. За дверью на многие мили простирался непроходимый лес – армия высоких темных сосен, грозно качающихся над толстым снежным покрывалом. Когда фантазия разыгрывалась особенно буйно, Хантер и Боб придумывали планы побега, все до одного безумно рискованные, абсурдно нелепые, вроде тех, что прекрасно смотрелись бы в комиксах.

Но все они были рассчитаны на двоих. В одиночку побег совершенно невозможен. Единственный выход отсюда – тот, которым уже воспользовался Боб Дейли.

Хантер снова лег. Он еще не совсем успокоился, но гипервентиляция легких больше не грозила. Спокойствие, вот ключ. Пусть идет как идет. Но как смириться с собственной смертью?

Мысли перешли к истории, которую он услышал по радио вчера, о греческом принце, повесившемся в Сандхерсте.

Ахилл. Похоже на те имена, что дают себе члены «Группы-99». Вокруг смерти этого юноши идет заламывание рук, началось официальное расследование.

Как всегда, в этой истории Хантера зацепил человеческий фактор.

Молодой человек, имевший в жизни все, что пожелает, почему-то выбрал смерть.

Возможно, если Хантер поймет этот порыв, толкнувший юного принца в объятия смерти, он будет меньше бояться?

Хантер Дрексель постепенно забылся тревожным сном.

Сначала возникло негромкое жужжание, будто рой насекомых, затем звук усилился, и вскоре стало ясно, что это шум вращающихся лопастей вертолета.

– Димитрий, – один из охранников Хантера схватил своего напарника за плечо, пытаясь разбудить. – Слушай!

Второй охранник просыпался медленно. Ему было всего девятнадцать. Оба юноши – французы, еще год назад в это же время они изучали в Париже информатику. К «Группе-99» оба присоединились ради развлечения, за компанию с друзьями, потому что в общих чертах поддерживали идею, что надо сбить спесь с мировых супербогатеев. Никто из них толком не понимал, каким образом они оказались в лесу под Братиславой, вооруженные пулеметом и посиневшие от холода.

К тому времени, когда парнишки поднялись на ноги, в небе засверкали проблесковые огни. Теперь весь лагерь заливал слепящий свет. А потом прогремели первые выстрелы.

– Черт! – Димитрий заплакал. – Что делать?

Вертолеты рокотали так громко, что они почти не слышали друг друга.

– Бежать! – заорал его напарник.

И они побежали. За спиной раздавались выстрелы, друг упал на землю, но Димитрий продолжал бежать до тех пор, пока ноги не превратились в кисель, как будто из них ушла вся сила.

Палатки лагеря подковой окружали хижину. Кроме того, здесь было два блочных здания: одно использовалось под арсенал, второе – под командный центр (с генератором, спутниковым телефоном и ноутбуком, изготовленным по особому заказу). Второе здание находилось ближе, и Димитрий, спотыкаясь, побежал к нему. Вокруг из палаток выскакивали члены группировки с обезумевшими от страха глазами. Кое-кто размахивал пистолетом, но в основном все были безоружны.

Атлас и Кронос, немецкие парни, подняли руки, и Димитрий в ужасе увидел, как они падают, скошенные градом пуль, и умирают, дергая руками и ногами, как пляшущие марионетки. И в этот момент что-то ударило его сзади: не пуля и не камень, а порыв ветра, такой сильный, что сбил с ног.

Вертолеты приземлились, и внезапно все превратилось в хаос, огни и грохот.

Американцы кричали:

– На землю! Ложись!

Димитрий завизжал, как перепуганный ребенок, но внезапно чьи-то руки подхватили его под мышки и потащили в командный центр.

– Успокойся! Все будет хорошо. – Голос прозвучал решительно и хладнокровно.

Димитрий вцепился в Аполло, как в спасательный круг, и пронзительно закричал:

– Они нас всех убьют!

– Ничего подобного. Это мы их убьем.

Димитрий увидел, как Аполло зубами вытащил чеку и швырнул ручную гранату в тех, кто расстрелял его друзей. Тут же в воздух взметнулись тела с оторванными ногами и руками.

– Держи. – Аполло протянул ему гранату. – Целься в вертолет.

Тем временем в хижине Хантер Дрексель забился под стол.

Грохот «чинуков»[4] показался ему самым прекрасным звуком на свете.

«Они здесь! Они меня нашли!»

Даже выстрелы, знакомое пулеметное «та-та-та-та-та», памятное по Ираку и Сирии, ласкали слух, как колыбельная или материнский голос.

С грохотом дверь хижины не столько открылась, сколько взорвалась, разметав фонтан щепок. Дым за несколько секунд заполнил комнату. В ушах стоял звон, глаза защипало. Он слышал голоса, крики, но все казалось приглушенным, как будто доносилось из-под воды. Хантер ждал, что сейчас кто-нибудь войдет: солдат или пусть даже один из его похитителей, – но никого не было. И тогда он решился: пополз на животе, нащупывая путь туда, где раньше была дверь.

Оказавшись снаружи, Дрексель быстро пришел в себя. Звезды сверху. Снег внизу. Американцы – они ли это? – в основном впереди и справа, лицом к лагерю. Слева то, что осталось от «Группы-99»: они заняли оба блочных здания и отстреливаются. Выстрелы в темноте мелькают, как светлячки, а время от времени все освещает проблесковик, и тогда можно было увидеть бегущих людей. Прямо перед Дрекселем, совсем рядом, упали, сраженные выстрелами, сразу три американских солдата. Похоже, его похитители не собирались сдаваться без боя.

Какой-то скулеж слева, похожий на стон раненого животного, заставил его обернуться.

– Помогите!

Хантер пополз на звук и увидел распростертого на снегу англичанина, юношу с кодовым именем Персей, к которому испытывал определенную симпатию. За тощие цыплячьи ноги и дурацкие очки с толстыми линзами он дал ему прозвище Ботан. Они часто играли в покер. Славный мальчик.

Но сейчас он беспомощно лежал на холодной земле, широко раскрыв глаза от шока. Вокруг него расплывалось темно-красное пятно. Посмотрев ниже, Хантер с ужасом увидел, что у мальчишки нет ног.

– Я умру?

– Нет, – соврал Хантер и лег рядом с ним.

– Я почему-то не чувствую ног.

– Просто очень холодно, да и шок в придачу. Все будет хорошо.

Персей открыл глаза, снова закрыл – ему осталось совсем недолго – и прошептал:

– Прости. Я вовсе не хотел… всего этого.

– Знаю. Это не твоя вина. Как тебя зовут по-настоящему?

– Д-джеймс, – с трудом выговорил умирающий.

– Откуда ты, Джеймс?

– Хакни.

– Хакни? Хорошо. – Хантер погладил юношу по голове и спросил: – И как оно там, в Хакни?

Но тот уже не смотрел на него.

– У тебя есть браться или сестры, Джеймс? Джеймс?!

---

[4] Американский военный вертолет CH-47.

Юноша в ответ испустил долгий прерывистый вздох и замер.

Глаза Хантера наполнились слезами, а тело захлестнуло гневом… нет, не гневом, яростью!

Джеймс был его другом и всего лишь ребенком, мать вашу!

И он завопил: весь скопившийся за последние несколько дней страх выплеснулся из него в этом диком, животном вопле бешенства и утраты. В тот момент ему было плевать, выживет он или умрет, вообще плевать! Нежно погладив холодный лоб мертвого Джеймса, Хантер поднялся на ноги и помчался в сторону «чинуков».

Тут это и случилось.

Один из вертолетов взорвался. Огненный шар, как комета, взлетел в воздух на несколько сотен футов. Хантер потрясенно смотрел, и ему в голову вдруг пришло, что американцы вполне могут проиграть это сражение. Все происходило совсем не похоже на то аккуратное спасение, на которое они рассчитывали.

Все шло неправильно. Солдаты умирали. «Группа-99» сопротивлялась, сражаясь за жизнь.

Хантер побежал дальше, что еще он мог сделать? Он решил бежать, пока кто-нибудь его не остановит, пока ему не оторвет ноги, как Джеймсу, или пока пуля не прошьет ему череп, как Бобу Дейли, или пока он не станет свободным, чтобы написать правду о том, что произошло сегодня ночью, правду обо всем…

Огни становились все ярче. Они ослепляли. Хантер подумал, что уже пробежал мимо командного центра «Группы-99», но точно сказать не мог. В это секунду второй «чинук» ожил, взревев, и его лопасти начали стремительно вращаться всего в нескольких ярдах от того места, где он стоял. Хантер смотрел, как вертолет взмыл на несколько дюймов над землей, как в него начали запрыгивать люди в камуфляже, а затем сверху протянулась рука, чтобы вытащить его из кровавого побоища.

– Запрыгивай!

Из «чинука» высунулся американский солдат, протягивая Дрекселю руку. Он был моложе, но гораздо увереннее Хантера, и слова его прозвучали командой, а не предложением.

Мгновение Хантер колебался, замерев, как кролик в свете прожектора, и подумал об истории, из-за которой его похитили. О правде, горькой истине, которую многие так желают скрыть.

Когда окажется на борту вертолета, сможет ли он ее поведать? Завершит ли когда-нибудь свою миссию?

Хантер оглянулся. Десятки трупов усеивали обуглившиеся останки лагеря, что был его миром в течение последних нескольких месяцев. Все произошло за какие-то несколько минут. Плохие парни и хорошие парни, а также наивные мальчишки лежали тут убитые, как скот на бойне. Так же был убит несчастный Боб Дейли. А теперь уверенный в себе юный американец протягивает руку, предлагая Хантеру выход. Как раз то, о чем он столько молился.

– Запрыгивай!

Хантер Дрексель, с благодарностью взглянув в глаза своему спасителю, повернулся и убежал в ночь.

Глава 4

– Что значит «убежал»?

Президент Джим Хейверс с недоверием отвел трубку от уха.

– Он убежал, сэр, – повторил генерал Тедди Макнейми. – Дрексель отказался садиться в вертолет.

Наступило долгое молчание.

– Мать вашу!.. – сказал президент.

– Что значит «убежал»?

Премьер-министр Британии устало потерла глаза.

– Я не знаю, как еще можно сказать, Джулия! – рявкнул президент Соединенных Штатов. – Он отказался садиться в вертушку. Убежал в лес. Мы облажались.

«То есть ты облажался, Джим», – подумала Джулия Кабот и принялась лихорадочно соображать, как бы это получше обыграть.

– Мне уже успел позвонить президент Словакии, орал во всю глотку, – зло продолжил Хейверс. – Генеральный секретарь ООН также потребовал от меня объяснений, причем срочно:

– И что вы ему сказали?

– Пока ничего.

– А что намерены?

– Что Дрекселя там не было: его успели куда-то переправить, но удалось нейтрализовать кучу террористов.

– Отлично! – похвалила Кабот.

– Я могу рассчитывать на вашу поддержку?

– Разумеется, Джим. Как всегда!

Президент Хейверс выдохнул.

– Спасибо, Джулия. Нам необходимо организовать совместное совещание наших разведок и решить, что делать дальше.

– Согласна.

– Как скоро ваши ребята сумеют прилететь в Вашингтон?

– Думаю, с учетом обстоятельств, Джим, куда разумнее будет вашим ребятам прилететь в Лондон. Вам не кажется?

Джулия Кабот улыбнулась. Так приятно хотя бы разок взять верх над американцами! В данный момент она – единственный друг Джима Хейверса в целом мире, и ему это известно. Нужно разыграть свои карты как можно удачнее.

– Надо подумать… – угрюмо отозвался президент.

– Отлично! – Джулия Кабот повесила трубку.

Ровно через неделю четверо мужчин сидели за столом в Уайтхолле, настороженно глядя друг на друга.

– Очень хорошо, что вы приехали, джентльмены. – Джейми Макинтош закатал рукава рубашки и подался вперед, дружелюбно улыбаясь американским коллегам. – Я знаю, что неделя выдалась нелегкая.

– Слабо сказано, – заметил Грег Валтон из ЦРУ, который выглядел смертельно уставшим.

Его возмущал этот вызов в Лондон, в особенности в то время, когда там, дома, конгресс раздирал его родное управление на куски, но все же, прилагая неимоверные усилия, он старался вести себя вежливо, в отличие от своего коллеги из ФБР Милтона Бака.

– Надеюсь, вы сможете как-то помочь проведению этой операции! – рявкнул Бак на Макинтоша. – Потому что, честно говоря, у нас нет возможности попусту тратить время на вас, британцев.

Фрэнк Дорриен, сидевший рядом с Макинтошем, напрягся и язвительно бросил:

– Ну конечно! После того как вы наломали дров во время этой исключительно простой спасательной миссии, основанной на наших абсолютно точных разведданных, полагаю, вам теперь хочется как можно больше времени посвятить тренировке своих людей. Бог свидетель, им это необходимо.

Милтон Бак посмотрел на него так, словно хотел ударить.

– Все, довольно! – Джейми Макинтош бросил сердитый взгляд на Фрэнка Дорриена. – Нечего бить себя в грудь: оставим это политикам. Мы собрались здесь, чтобы объединить усилия и поделиться информацией по «Хакерам», так что будем заниматься именно этим. Позвольте начать?

Грег Валтон чуть подался вперед.

– Отлично. Что у вас есть?

– Для начала мы сумели выяснить имя убийцы капитана Дейли.

Валтон и Бак потрясенно переглянулись.

– Серьезно?

Фрэнк Дорриен передал файл.

В левом верхнем углу помещалась фотография красивого смуглого мужчины с сильным подбородком, орлиным носом и подозрительными глазами под тяжелыми веками. Выражение лица у него было совершенно невозмутимым, хотя в нем ощущалась надменная настороженность, как у хищной птицы.

– Алексис Аргирос, – объявил Джейми Макинтош. – Кодовое имя Аполло. Один из основателей «Группы-99» и весьма неприятная личность. Вырос в приемной семье в Афинах. Возможно, подвергался насилию. Среднюю школу бросил, недоучившись, но блестяще разбирается в компьютерах. Одержим жестокими видеоиграми с раннего подросткового возраста. Ненавидит женщин. Садист. Страдает нарциссизмом. Это все получено из отчетов его социального работника.

– Криминальное прошлое? – осведомился Грег Валтон.

– Да. Мелкие кражи, вандализм, поджог. Провел два года в исправительном учреждении для малолеток за изнасилование. Кроме того, подозревался в омерзительном случае жестокого обращения с животными, когда была заживо сожжена кошка с котятами.

– У вас за изнасилование дают всего два года? – удивился Грег Валтон.

– Греки не могут позволить себе содержать тюрьмы, – сухо отозвался Джейми Макинтош, – тем более после введения режима строгой экономии. В любом случае мы считаем, что Аргирос и есть тот человек, кто нажал на курок во время видеоказни Дейли. Он руководил лагерем, на который вы совершили налет, и его звезда в «Группе-99» как раз на подъеме. Он уже многие месяцы пытается склонить соратников к более жестоким методам борьбы и презирает умеренных. Аргирос работает с молодыми парнями в том же духе, что и джихадисты, которые вербовали европейцев после войны в Сирии. Он предлагает им экстремистские цели в красивой упаковке социальной справедливости…

– А потом убивает, – прервал его Грег Валтон.

– Именно. Мы боимся, что смерть капитана Дейли может стать вехой, началом новой эры глобального террора. Очень жаль, что вы не убили Аргироса, когда у вас был шанс.

– Откуда вам известно, что не убили? – быстро спросил Грег Валтон.

Ему ответил Фрэнк Дорриен:

– Мы перехватили интернет-трафик между Аполло и неизвестным контактом в США. Алексис Аргирос не только жив и здоров, но, как и мы, разыскивает Дрекселя, и не надо заблуждаться: «Группа» хочет получить труп Хантера Дрекселя.

– И как вам все это стало известно? – кислым тоном спросил Милтон Бак.

Бак, коренастый, привлекательный внешне мужчина средних лет с темными волосами и от природы приятным лицом, успешно прятал весь свой шарм под толстым слоем высокомерия.

– Наши методы вас не касаются! – отрезал Фрэнк Дорриен. – Мы здесь для того, чтобы поделиться сведениями, а не рассказывать вам, как мы их добыли. А теперь выкладывайте, что есть у вас.

Милтон Бак посмотрел на Грега Валтона и, когда тот одобрительно кивнул, вытащил старомодный диктофон и поставил на стол.

– Пока вы снимали маску с мартышки, – презрительно хмыкнул фэбээровец, – мы сосредоточились на шарманщике.

Джеймс Макинтош вздохнул. Демонстративное поведение Милтона Бака начинало его серьезно раздражать.

– Этот ваш Аполло, возможно, нажал на курок, – продолжил Бак, – но приказы получал сверху.

Он нажал на клавишу «пуск», и комнату заполнил женский голос. Принадлежал он американке, явно образованной, звучал мягко и негромко, да и качество записи было превосходным.

«– Все готово?

– Да. Все сделано, как вы приказали. (Ответил ей мужской голос.)

– И я все увижу в прямой трансляции, верно?

– Правильно. Вы будете там с нами, не беспокойтесь.

– Хорошо, но сначала пусть он произнесет свою речь. (В голосе женщины слышалась усмешка.)

– Конечно. Как договаривались.

– И ровно в девять вечера по нью-йоркскому времени ты выстрелишь ему в голову.

– Да, Алтея».

Милтон Бак нажал на «стоп» и самодовольно улыбнулся.

– Это, джентльмены, официальная санкция на казнь капитана Дейли. Женщина с пленки, которая проходит под кодовым именем Алтея, и есть глава «Группы-99», мы следим за ней последние восемнадцать месяцев.

– Про Алтею мы уже знаем, – снисходительно произнес Джеймс Макинтош, к большому раздражению фэбээровца.

– Но вы не знали, что именно она приказала казнить Дейли. Или знали? – парировал Грег Валтон.

– Нет, – признался Джейми. – Что еще вам про нее известно? Идентификационный номер?

– Еще нет, – смутившись, признался Грег Валтон.

– Вы следите за ней восемнадцать месяцев, но до сих пор не знаете, кто она такая? – недоверчиво спросил Фрэнк Дорриен. – Так что вам вообще известно?

– В частности, то, что она переводит деньги для «Группы» через сложную сеть офшорных счетов, которые мы по большей части уже определили, – огрызнулся Милтон Бак.

– У нас есть неподтвержденные данные о ее внешности, – уже спокойнее добавил Грег Валтон. – Служащие банков и отелей, которыми, по нашим сведениям, она пользовалась, говорят, что она высокая, физически привлекательная, темноволосая.

– Ну, это, конечно, сужает поиски, – саркастически пробормотал Фрэнк Дорриен.

Милтон Бак покраснел так, словно того и гляди взорвется:

– Нам известно, что два года назад она организовала кибератаку на системы ЦРУ и полное отключение биржевых серверов на Уолл-стрит. Также нам известно, что она лично организовала похищение и убийство одного из ваших людей, генерал Дорриен! В общем и целом я бы сказал, нам известно чертовски много по сравнению с вами!

– Как давно вы получили все эти сведения? – совершенно невозмутимо поинтересовался Джейми Макинтош.

Грег Валтон метнул в Милтона Бака предостерегающий взгляд, но слишком поздно.

– Три недели назад, – самодовольно ответил фэбээровец. – Я представил эту запись президенту на следующий день после убийства Дейли.

На щеке Джейми дернулся мускул.

– Три недели! И раньше никому не пришло в голову поделиться с нами этой информацией?

– Вот делимся сейчас, – сказал Грег Валтон.

Фрэнк Дорриен с такой силой ударил кулаком по столу, что подпрыгнули стаканы с водой, и взревел:

– Ну хватит! Дейли был одним из нас. С такими союзниками, как вы, нам и врагов не надо!

– Фрэнк! – Макинтош коснулся ладони старого солдата, но Дорриен сердито вырвал руку.

– Нет, Джейми. Это настоящий фарс! Мы с ложечки кормим американцев ценнейшей и подробной информацией, по сути, обеспечиваем их данными о точном местонахождении заложника, и все это время они скрывают от нас жизненно важную информацию об убийце Боба Дейли! Это неприемлемо!

Бак подался вперед и с угрозой в голосе произнес:

– Да кто вы такой, чтобы указывать нам, что приемлемо, а что – нет, генерал? Вам не приходило в голову, что, возможно, мы не поверили британским разведданным? В конце концов, в последнее время ваши люди мрут как мухи.

– Прошу прощения?

– А вы подумайте. Сначала умирает греческий принц, находившийся под вашей опекой, генерал, – обвинительным тоном произнес Бак. – Молодой человек случайно, конечно, оказался другом капитана Дейли. Спустя всего несколько дней убивают самого Дейли, что, скажем прямо, совсем не в духе «Группы-99». Во всяком случае, не было до этого момента. Вы, несомненно, можете заявить, что между двумя этими событиями нет никакой связи…

– Разумеется, нет! – с издевкой перебил его Фрэнк Дорриен. – Принц Ахилл совершил самоубийство.

Милтон Бак вскинул бровь.

– В самом деле? А не могло случиться, что «Группа» внедрила кого-то в британскую армию? Ведь Сандхерст и высшие эшелоны министерства обороны тоже были объектом их атаки, если вы помните.

– Как и ЦРУ! – выкрикнул Дорриен. – Принц Ахилл был геем, а повесился от стыда, кретин вы эдакий!

– Как вы меня назвали? – Бак вскочил.

– Довольно. – Грег Валтон все-таки вышел из себя. – Сядьте, Милтон. Немедленно!

Грег решил воспользоваться своим положением старшего. Несколько тысяч миль он преодолел не ради того, чтобы любоваться, как его коллега из ФБР и генерал Дорриен кидаются друг на друга как пара голодных псов. Но окончательно Грега Валтона вывела из себя брезгливость в тоне генерала, с которой тот говорил о греческом принце. Грег тоже был гомосексуалистом, поэтому отсутствие сочувствия к погибшему юноше его неприятно поразило.

– Что бы ни было в прошлом в смысле обмена информацией, это уже случилось, – переводя взгляд с Бака на Дорриена и обратно, проговорил Валтон. – Но теперь у нас есть прямой приказ из Белого дома и с Даунинг-стрит о полном сотрудничестве, в соответствии с которым мы будем действовать. Это – совместная операция. И если у кого-то из вас есть возражения, предлагаю выяснить все прямо сейчас.

Фрэнк Дорриен в поисках поддержки посмотрел на Джейми Макинтоша, но тот оставался невозмутимым. Тогда он кинул на Милтона Бака последний взгляд, полный ненависти, и опустился на стул, угрюмый, но подчинившийся. То же самое сделал Бак.

– Хорошо. Дальше. Так случилось, что у нас возникло еще одно важное обстоятельство, которым мы хотели бы с вами поделиться, – продолжил Грег Валтон. – Слышал ли кто-нибудь из вас о некоей Трейси Уитни?

Фрэнк Дорриен отметил, что при упоминании этого имени Милтон Бак сильно напрягся, а потом буркнул:

– Никогда о такой не слышал.

– Мошенница Трейси Уитни? – Макинтош нахмурился.

– Мошенница, любительница драгоценностей, компьютерная волшебница, домушница, – принялся перечислять Грег Валтон. – У мисс Уитни множество увлечений и длинное, разнообразное резюме.

– Я не слышал этого имени давным-давно. Мы думали, ее уже нет в живых.

Джейми объяснил Фрэнку Дорриену, как десять лет назад мошенница Трейси Уитни вместе со своим партнером Джефом Стивенсом подозревалась в ряде дерзких преступлений, совершенных в Европе. Она одурачивала развращенных богачей, забирая у них драгоценности и произведения искусства на миллионы долларов, и даже выкрала картину великого мастера из галереи Прадо в Мадриде. Но ни Интерпол, ни ЦРУ, ни МИ-5 так и не сумели доказать ее вину.

– Страшно подумать, сколько времени и денег мы потратили впустую, пытаясь перехитрить эту женщину. – В голосе Джейми зазвучали ностальгические нотки. – А затем она мгновенно исчезла, и на этом все кончилось. Полагаю, Джеф Стивенс до сих пор околачивается в Лондоне, но вроде бы отошел от дел. – Джейми снова повернулся к Грегу Валтону. – Но я не понимаю, какое отношение Трейси Уитни может иметь к нашему делу?

– Мы тоже, – признался Грег. – На следующий день после провального рейда в Братиславу мы в Лэнгли получили зашифрованное сообщение от Алтеи, в котором она ссылается на Трейси Уитни.

– Не просто ссылается, – вмешался Милтон Бак. – Эти две женщины явно знакомы.

– Что говорится в сообщении? – спросил Джейми Макинтош.

– По сути, это просто издевка, – ответил Валтон. – «Вы, ребята, никогда меня не поймаете. Я обведу вас вокруг пальца, как это сделала Трейси Уитни. Бьюсь об заклад, ты, Трейси, смогла бы меня найти. Почему бы агенту Баку не позвонить ей в…» Ну и все в этом роде. Она определенно знает Трейси, но дело не только в этом. Она знает историю, связанную с Трейси. Знает, что с ней имел дело агент Бак.

И Грег Валтон коротко посвятил британских коллег в операцию, проводившуюся несколько лет назад с целью выследить и поймать серийного убийцу «Библейского Джона»; как в это время Трейси и Джеф Стивенс снова выплыли на поверхность и Трейси заключила непростой для нее альянс с Интерполом и ФБР, чтобы отдать Дэниела Купера в руки правосудия.

– Агент Бак тогда руководил операцией. Она завершилась успешно, но нужно сказать, что отношения Милтона и Трейси были… – он поискал нужное слово, – …непростыми. И Алтее это известно.

– Понятно, – насмешливо бросил Фрэнк. – Так, может, это среди вас имеется информант «Группы-99»?

Это ехидное замечание предназначалось Милтону Баку, но ответил ему Грег Валтон:

– Все может быть, генерал. Пока мы считаем, что надо быть готовыми ко всему.

Джейми Макинтош спросил:

– И вы уже связались с мисс Уитни? Мне хотелось бы услышать, что она об этом скажет.

– Еще нет, – ответил Валтон. – Мы хотим обсудить с ней эту тему лицом к лицу. Когда Трейси пугается, у нее есть дурная привычка исчезать. Если она заранее узнает об Алтее, может просто сбежать.

– Пожалуй, мы говорили бы с ней прямо сейчас, если бы нас не вынудили лететь на встречу с вами, – нелюбезно добавил Милтон Бак. – Мы попусту теряем драгоценное время.

– Знаете, в Трейси тоже было что-то от Робин Гуда, – сказал Джейми Макинтош, проигнорировав колкость. – Они с Джефом воровали только у тех людей, кто, по их мнению, этого заслуживал. И она была настоящим асом в компьютерах. Насколько я помню, ее конек – международная банковская деятельность. Я бы не особенно удивился, узнав, что они с Джефом связаны с «Группой».

– Сомневаюсь, – заметил Грег Валтон. – Не могу отвечать за Джефа Стивенса, но Трейси Уитни изменилась. В прошлый раз она была для нас неоценимой помощницей. Думаю, мы можем ей доверять.

Фрэнк Дорриен нахмурился, но ничего не сказал: ему совершенно не нравилось то, что говорили о Трейси Уитни. Эта женщина – профессиональная воровка и лгунья. Вряд ли такие люди нужны им в команде.

– Не думаю, что «Группа» – связующее звено. Мне кажется, у этих двух женщин есть что-то общее в прошлом, – продолжил Грег Валтон. – Алтея могла познакомиться с Трейси в тюрьме или через Джефа Стивенса; она могла быть одной из его любовниц либо мошенницей-конкуренткой или даже той, кого Трейси и Джеф ограбили в свои лучшие дни. В конце концов, нам известно, что она богата. Вероятностей просто миллион. Хочется надеяться, что, когда мы поговорим с Трейси лично, она сможет пролить немного света на это дело.

– На этой стадии мы должны узнать что-то еще? – спросил Джейми Макинтош тоном, который давал понять присутствующим, что совещание подходит к концу.

– Не думаю. – Грег Валтон поднялся, правильно истолковав намек. – Ничего существенного. Отыскать и благополучно вернуть домой Хантера Дрекселя – вот официальная цель нашей операции. Но самая главная стратегическая цель – идентификация Алтеи. Мы надеемся, мисс Уитни сумеет нам в этом помочь. Разумеется, было бы чудесно преподнести на блюде и голову Аргироса. Может, вы, друзья, сможете возглавить эту операцию?

Джейми Макинтош кивнул, и оба американца направились к двери.

– Одну минуту, мистер Валтон! – окликнул их Фрэнк Дорриен.

– Да?

– Хантер Дрексель. Как по-вашему, почему он отказался улететь со своими спасителями? Почему убежал?

Грег Валтон и Милтон Бак коротко переглянулись, затем Валтон бесстрастно произнес:

– Понятия не имею, генерал. Но поверьте: как только мы найдем его, это будет первый вопрос, который мы ему зададим.

Спустя сорок минут Джейми Макинтош ответил на звонок премьер-министра.

– Вы сможете с ними работать? – спросила Джулия Кабот, когда Макинтош рассказал ей о встрече с американцами.

– Конечно, премьер-министр. Фрэнк, разумеется, не одобряет этого фэбээровца, но они поделились с нами весьма полезной информацией.

– Вы им доверяете?

– Доверяю? – рассмеялся Макинтош. – Что за странная мысль! Безусловно, нет!

Пришел черед смеяться Джулии Кабот.

– Вот и прекрасно! Я просто уточнила.

– Насчет Дрекселя они соврали, – заметил Джеймс.

– Думаете, они знают, почему он сбежал?

– Уверен. И еще я думаю, они сделают все возможное, чтобы скрыть это от нас. Лично мне чертовски хотелось бы отыскать мистера Дрекселя первым и выяснить у него, что же они скрывают.

– Значит, – медленно произнесла Джулия, – нам нужно это сделать, верно?

– Вы сможете с ними работать? – Голос президента Хейверса звенел от напряжения.

– Да, сэр, – ответил Грег Валтон. – У агента Бака сначала не заладилось с одним из них, но совещание все равно прошло конструктивно. Макинтош – человек вполне разумный.

– Действуйте очень осторожно, Грег, – предостерег президент. – Есть места, куда можно пускать их разведку, но есть и такие, где это совершенно недопустимо.

– Разумеется, сэр. Я понял. Мы будем держать их под контролем.

– Что насчет Трейси Уитни?

– Ее мы тоже будем держать под контролем.

– Хорошо. Главное, смотрите, чтобы так оно и было. Спокойной ночи, Грег.

– Спокойной ночи, сэр.

Генерал-майор Фрэнк Дорриен сидел в своей гостиной и смотрел по телевизору на американского президента.

Джим Хейверс, в дорогом темном костюме и шелковом галстуке, с зачесанными назад поседевшими волосами, находился в Овальном кабинете и выглядел на фоне американского флага именно так, как должен выглядеть самый могущественный человек в мире.

– Неделю назад Соединенные Штаты нанесли удар по банде террористов, цель которых – уничтожить наш образ жизни. «Группа-99» уже жестоко расправилась с британским заложником, капитаном Робертом Дейли. Есть все основания полагать, что второго заложника, американского журналиста Хантера Дрекселя, ожидала такая же судьба. Кроме того, у нас имелись данные, что мистера Дрекселя содержали в том же лагере под Братиславой, где был убит капитан Дейли.

На основе этих данных мы провели тщательно подготовленную секретную операцию. Да, во время проведения этой операции американские войска на короткое время вторглись на территорию Словакии. Соединенные Штаты не намерены приносить извинения за эти свои действия. Оказалось, что после казни капитана Дейли похитители перевезли мистера Дрекселя в другое место, но мы установили, что обоих пленников действительно удерживали на территории Словакии, несмотря на категорическое утверждение, что эта страна не давала приюта террористам. Более того, наша миссия не прошла впустую. Были уничтожены десятки террористов, которые несут ответственность за вероломное убийство капитана Дейли. К сожалению, во время операции погибли шестеро американских военнослужащих.

Не питайте иллюзий. Соединенные Штаты по-прежнему намерены бороться с террористами, которые угрожают нашим гражданам и нашей безопасности, где бы мы их ни обнаружили и какой бы ни была мотивация, оправдывающая их действия. Безусловно, всегда найдутся те, кто будет нас за это критиковать, но это было и остается политикой нашей администрации. «Группу-99» нельзя назвать безобидной: это не борцы за свободу и не защитники бедняков, а террористы.

Мы по-прежнему уверены, что вместе с британскими коллегами обязательно отыщем мистера Дрекселя. А пока его похитителям следует понять: вам не убежать и не скрыться. Мы вас найдем и уничтожим!

Генерал-майор Фрэнк Дорриен в негодовании выключил телевизор. Лживость Хейверса потрясла его так, что даже зубы заныли. Разумеется, таковы почти все политики, но американцы врут виртуозно, они – мастера в деле искажения фактов.

До чего же он их презирает!

Мысли Дорриена перешли к Хантеру Дрекселю, журналисту, из-за которого сказано столько вранья. Соединенные Штаты могли оказаться в почти полной дипломатической изоляции ради человека, который не только сбежал от солдат, рисковавших жизнью ради его спасения, но, судя по всему, был типичным журналистом и думал только о собственном благополучии. Азартный игрок и неисправимый бабник, Хантер Дрексель уехал в Москву, оставив за собой шлейф разбитых сердец, разозленных редакторов и неоплаченных счетов. Такие, как он, не заслуживают спасения, не заслуживают, чтобы отважные, честные, верные солдаты рисковали ради них своей жизнью.

Генерал-майор Фрэнк Дорриен очень серьезно относился к понятию «верность» в любом его проявлении: верность семье, религии (Фрэнк воспитывался в католической вере и считал себя консерватором с большой буквы), своей стране, но превыше всего для него была преданность британской армии. За армию он, не задумываясь, отдал бы жизнь.

И не только свою…

В мире Фрэнка Дорриена каждый делает то, что должен, то есть выполняет свой долг, какую бы форму он не принимал. В последнее время долг повел Фрэнка в довольно неожиданном направлении. Ему пришлось принимать решения, причем не только сложные, но и неприятные, но ни разу он не усомнился в своих действиях. Он никогда не критиковал своих начальников, как и положено солдату.

Армия – это жизнь Фрэнка Дорриена, хотя у него была жена Синтия, которую он любил, были походы в оперу, выращивание роз, церковный хор и книги по истории Византии. Но все это лишь плоды на дереве под названием «армия». Без нее существование Фрэнка превратилось бы в ничто, в бессмысленный ряд дней без порядка, дисциплины и цели.

А какова цель таких, как Хантер Дрексель? Или таких, как «вольнодумцы» из «Группы-99», которые были омерзительными коммунистами еще до того, как начали безжалостно убивать? Или женщин вроде Трейси Уитни, воровки и мошенницы, которая по какой-то непостижимой причине вызывает восхищение у Джейми Макинтоша?

Фрэнк Дорриен уже не в первый раз задумался о безнравственном мире, в котором приходилось работать. О разведке. Никогда еще профессиональная деятельность не носила такого идиотского названия.

И все-таки долг зовет.

– Не хочешь выпить чашечку чая, Фрэнк? – раздался с кухни голос Синтии Дорриен, ободряюще нормальный и здравый.

– С удовольствием, милая.

Однажды все это закончится, и они смогут вернуться к нормальной жизни.

Алтея, тепло укутанная от резкого нью-йоркского ветра в длинную норковую шубу и такую же шапку, поблескивая на ослепительном зимнем солнце бриллиантовыми сережками от Тиффани, погладила рукой, обтянутой черной перчаткой, надгробный камень, ласково провела пальцем по буквам единственного выгравированного на нем слова: «Дэниел», – и прошептала:

– Он мертв, мой любимый. Боб Дейли мертв. Мы его достали.

Было очень приятно наблюдать на мониторе, как взрывается голова англичанина, только это не принесло Алтее облегчения, хотя она так на это рассчитывала. Вот и сегодня она пришла на могилу Дэниела в надежде обрести хоть немного покоя.

Не удалось.

Может, потому, что его здесь нет? Мраморная плита – это всего лишь памятник, под которым никто не лежит. Алтея не знала, где в действительности лежит ее возлюбленный Дэниел, да и похоронен ли он вообще. Они отняли у нее даже это утешение, как отняли все.

«Вот почему я не испытываю облегчения, – внезапно осенило ее. – Капитан Боб Дейли всего лишь начало. Я должна уничтожить их всех. Как они уничтожили меня».

Алтея не понимала, почему из ЦРУ до сих пор никто не позвонил Трейси Уитни. Жизненно важно, чтобы Трейси в этом участвовала, и ее сообщение на этот счет было предельно ясным. Чего же они ждут?

Если этот болван Грег Валтон не начнет в ближайшее время действовать, придется взять дело в свои руки.

Алтея искренне надеялась, что до этого не дойдет.

Ледяной ветер щипал за щеки, и, плотнее укутавшись в шубу, она направилась к ожидавшему ее лимузину.

Хорошо быть богатой.

Но еще лучше обладать властью.

Глава 5

Трейси Уитни смотрела, как мягко падают на землю снежинки за окном, и пришивала метки с именем сына на комплект его футбольной формы: «Николас Шмидт, 9 “Г”». Это уже второй комплект, который Трейси купила Нику после лета. Сын рос не по дням, а по часам, и к своим четырнадцати был уже выше Джефа.

Николас знал Стивенса как дядю Джефа, международного торговца антиквариатом и старого друга матери, и считал своим отцом некоего Карла Шмидта, немецкого промышленника, трагически погибшего во время катания на лыжах, когда Ник еще был в утробе матери. Эту историю Трейси рассказала ему и всем соседям в Стимбот-Спрингс, маленьком городке в штате Колорадо, где они жили почти пятнадцать лет. Но это была ложь: не было никакого Карла Шмидта, а Трейси родила Ника от Джефа Стивенса, мошенника и вора, одного из лучших в своем деле, хотя ей он все-таки уступал.

Отложив шорты, Трейси взялась за рубашку, тоже темно-синюю. Цвета команды будто специально подчеркивали цвет глаз Ника – пронзительно-синих, как у Джефа. Он также унаследовал атлетическое сложение отца, его густые темные волосы и неотразимое сочетание мужественности и обаяния, которое влекло к Джефу женщин, как мотыльков на свет. Трейси не видела его вот уже три года, с тех самых пор как спасла ему жизнь, вырвав из лап психически больного – бывшего агента по имени Дэниел Купер, но вспоминала о нем часто – всякий раз, когда Николас улыбался.

Последняя встреча с Джефом Стивенсом произошла в тот безумный период в жизни Трейси, когда короткий выплеск адреналина вернул ее к опасностям мира, который, как ей казалось, был покинут навеки. Сразу после этого она заключила сделку с ФБР, чтобы получить юридическую неприкосновенность, и вернулась к мирной анонимной жизни в Стимбот-Спрингс. Джеф навестил ее лишь однажды, а потом только посылал короткие сообщения на открытках из разных частей света. Кроме того, он учредил для Ника трастовый фонд с портфелем вложений в несколько десятков миллионов долларов. «Что еще сказать? – писал он Трейси. – Антикварный бизнес процветает. И кому мне все это оставить?»

Джеф знал, что Блейк Картер, старый ковбой, управлявший ранчо Трейси и фактически вырастивший Николаса, был для мальчика отцом куда лучше, надежнее и основательнее, чем он сам. Как и Трейси, он хотел для сына стабильной и счастливой жизни, поэтому пожертвовал собой и ушел в тень, за что она безмерно его уважала.

Иногда ее беспокоило, что ложью было все, что известно Нику о ней и о его настоящем отце, но утешали слова Блейка Картера: «Он знает, что ты любишь его, Трейси. И это единственное, что имеет значение».

Наконец Трейси пришила метки ко всей футбольной форме и аккуратно сложила ее в большую стопку. Подбросив полено в открытый камин, занимавший центральное место в ее гостиной, Трейси плеснула себе бурбона. Теплый, уютный запах сосновой смолы и древесного дыма наполнил комнату, смешиваясь с ароматами корицы из кухни. Трейси удовлетворенно вздохнула: «Я обожаю это место».

Трейси всегда была красавицей, ее отличали изящная фигура, каштановые волосы до плеч и живые умные глаза, которые в зависимости от настроения меняли цвет с болотно-зеленого до темно-нефритового. Пусть она уже не молода, но не утратила опьяняющей притягательности для противоположного пола. Было в ней что-то непостижимое, искра вызова и соблазна в совершенно необыкновенных глазах, не зависящих от возраста. Даже в джинсах, уггах и водолазке, без макияжа Трейси Уитни могла одним своим появлением осветить комнату. Те, кто знал ее получше, вроде Блейка Картера, видели другое: печаль, глубокую, как океан, и по-сво-

ему прекрасную. Она была следствием пережитых утрат – любви, надежды, свободы… Трейси все это преодолела, стала сильнее, но печаль осталась с ней навсегда.

Трейси сделала глоток темной обжигающей жидкости, наслаждаясь теплом, которое скользнуло по горлу и разлилось в груди. Конечно, пить сейчас не следовало, рановато, всего четыре часа дня, но после шитья она заслужила глоточек. Кроме того, было ощущение, что уже вечер: сумерки за окном уступали место темноте, сине-фиолетовое небо постепенно меняло цвет на черный. Снег лежал толстым слоем, девственно-чистый, как сахарная глазурь на свадебном торте, лишь кое-где его прокалывали темно-зеленые ели и сосны, протянувшие к небу ветви-руки.

Дом больше всего нравился ей зимой, когда из окон от пола до потолка виднелись покрытые снегом Скалистые горы во всем их великолепии. К этому месту отлично подходил дипломатический термин «блестящая изоляция»[5]. И это стало одной из основных причин, по которой Трейси в свое время его выбрала.

Громкий стук в дверь прервал ее размышления.

Трейси улыбнулась: вот вам и изоляция.

Может, ранчо и считалось отдаленным, но Стимбот-Спрингс был маленьким городком, а Трейси – матерью одного из самых недисциплинированных подростков. Направляясь к двери, она мысленно перебирала, кто это может быть: школьный психолог, директор, раздраженная мамаша одной из восьмиклассниц, шериф?

О боже, только бы не шериф! Блейк придет в ярость, если Ник опять устроил какую-нибудь аферу. В прошлый раз он умудрился перепрограммировать компьютеры в школьной библиотеке, и оказалось, что половина учащихся средней школы получили право на компенсационные выплаты. Школа ошибочно выплатила дружкам Ника больше двух тысяч долларов, пока старший библиотекарь наконец-то обо всем не догадался и не вызвал копов.

В тот раз шериф Ривз отнесся к Нику довольно снисходительно, но еще один подобный фокус, и ему придется наказать озорника в назидание другим.

Трейси изобразила на лице самую обворожительную улыбку, открыла дверь, и ее обдало ледяным холодом. Трейси поежилась.

На крыльце стояли двое мужчин, оба в длинных кашемировых пальто, мягких фетровых шляпах и теплых шарфах. Один был ей незнаком, зато второго, к сожалению, она узнала сразу.

– Привет, Трейси.

Агент Милтон Бак из ФБР попытался улыбнуться, но, поскольку давно этого не делал, у него получилась зловещая ухмылка. Кивнув в сторону невысокого мужчины, от холода переступавшего с ноги на ногу, он представил его:

– Это мой коллега, мистер Грегори Валтон из ЦРУ. Можно нам войти?

Спустя пять минут все трое неуклюже топтались возле кухонного стола. Трейси предложила им по чашке кофе. Пальто агенты сняли, но обошлись без любезностей, и скоро стало понятно, что главный тут коротышка из ЦРУ.

– Спасибо, что впустили нас, мисс Уитни.

Лысый, с мягким голосом и безупречно вежливый агент Валтон сразу же понравился Трейси гораздо больше Бака, но, с другой стороны, любой червяк понравились бы ей больше, чем Милтон. Дело в том, что у них было общее прошлое, отнюдь не самое приятное.

– Здесь меня называют миссис Шмидт, – сказала Трейси. – И я никогда не оставлю человека замерзать на пороге, мистер Валтон, даже если вовсе не желаю его видеть.

– Прошу вас, называйте меня Грег.

[5] Этим термином была названа английская доктрина отказа от длительных союзов с другими державами.

– Хорошо. – Трейси улыбнулась. – Давайте обойдемся без предисловий, Грег… Зачем вы здесь?

Валтон открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но Трейси еще не договорила:

– После того как три года назад я помогла нейтрализовать Дэниела Купера и арестовать Ребекку Мортимер, в бюро мне твердо обещали больше не трогать ни меня, ни моих близких.

– Так оно и будет, даю вам слово, – успокаивающе произнес Грег Валтон.

– Однако вы здесь, на моей кухне. – Трейси насмешливо вскинула бровь и уселась, закинув одну изящную ногу на другую.

Грег Валтон решил, что эта леди не похожа на других, и в который уже раз в присутствии очень красивой женщины поблагодарил небеса за то, что он гей.

– Тема нашего сегодняшнего разговора, мисс Уитни, не имеет никакого отношения к тому случаю или к вашему прошлому. Это вопрос национальной безопасности.

Трейси его слова явно озадачили.

– Не понимаю…

– Возможно, поймете, если потрудитесь выслушать! – рявкнул Милтон Бак.

Трейси отметила, что он по-прежнему поражает чувственной, какой-то надменной красотой. И так же неприятен, как и раньше.

– Мистер Валтон хотел сказать, что мы здесь не для того, чтобы выдвигать против вас обвинения за прошлые преступления.

– Еще бы! Ни драгоценности, ни картины я не воровала! – возмутилась Трейси.

– Мы здесь для того, чтобы потребовать от вас выполнения долга перед страной.

– Да ну? – прищурилась Трейси.

С ее точки зрения, Милтон Бак мог засунуть свои требования туда, где никогда не светит солнце. Три года назад этот ублюдок оставил Джефа умирать, когда его прибил к кресту маньяк Купер в холмах за Пловдивом, в Болгарии, и только Трейси со своим другом Жаном Риццо из Интерпола смогли спасти его и передать преступника в руки правосудия. Хотя, разумеется, затем в лучах славы купалось ФБР, и больше всех хвалили агента Бака.

– Не потребовать, – поправил коллегу Грег Валтон, бросив на него неодобрительный взгляд, – попросить. Мы приехали именно просить вас о помощи, в которой очень нуждаемся.

Трейси с подозрением посмотрела в лицо Валтону, затем бросила взгляд на часы.

– В пять тридцать мне нужно забрать сына. Я смогу уделить вам еще час, но затем вам придется уйти.

Милтон Бак, явно разъяренный, открыл было рот, намереваясь что-то возразить, но Грег Валтон сердито сверкнул на него глазами и произнес:

– Договорились, мисс Уитни. А теперь позвольте рассказать, зачем мы здесь.

В течение следующих сорока минут Грег даже дыхание ни разу не перевел. Трейси внимательно его слушала, облокотившись на кухонный стол, ее кофе сначала сделался чуть теплым, затем ледяным. Как и большинство жителей Америки, Трейси видела по компьютеру ужасную казнь капитана Дейли, совершенную бандитом из «Группы-99», знала про сомнительный рейд в Братиславу; знала, что, несмотря на все усилия правительства, попытка спасти американского журналиста Хантера Дрекселя откровенно провалилась.

Чего она не знала, так это что Хантер Дрексель больше не был пленником «Группы-99», как недвусмысленно объявил президент Хейверс в своем телевизионном выступлении, а по неизвестным причинам сбежал. Не знала она и того, что богатая американка, известная как Алтея, не только руководит «Группой-99» и финансирует ее, но и лично отдала приказ убить Дейли.

– Ого, – покачала головой Трейси, когда Валтон замолчал. – Должно быть, Хейверс выжил из ума. Зачем так откровенно лгать? А что будет, если Дрексель внезапно выскочит где-нибудь, как Эдвард Сноуден, и устроит пресс-конференцию?

– Это будет исключительно неудачно, – согласился Грег Валтон. – Однако будет еще хуже, если начнется глобальная эскалация насилия и убийств, вроде того, что мы наблюдали с капитаном Дейли. Похищения, казни, взрывы. Теперь, когда они переступили черту, возможно все. Мы не знаем точно, насколько велика сеть «Группы-99», но знаем точно, что она велика и постоянно растет, главным образом в местах, где разрыв между богатыми и бедными особенно велик, например в Южной Америке.

– У нас на пороге, – задумчиво проговорила Трейси.

– Вот именно.

Трейси еще немного подумала и повернулась к Валтону.

– Все это очень интересно, но мне по-прежнему непонятно, при чем тут я.

Грег Валтон подался вперед.

– Эта женщина, Алтея, чуть больше недели назад прислала нам в Лэнгли зашифрованное послание, в котором упомянула ваше имя.

– Мое? – Трейси была совершенно ошеломлена.

Валтон кивнул.

– И в каком же контексте?

– Утверждает, что сумеет перехитрить нас, как в свое время это сделали вы. Что только вы сможете сорвать с нее маску. Что агенту Баку следует нанести вам визит. Она подала все так, что получилась почти игра, состязание между ней и вами.

Не будь выражение лица Грега Валтона таким серьезным, Трейси бы расхохоталась: «Это же шутка такая, верно?»

– Вы имеете хоть какое-то представление о том, кто эта женщина? Хотя бы малейшее?

Трейси помотала головой.

– Нет. Хотелось бы это знать, но нет. Для меня все это – сплошная бессмыслица.

– Тогда послушайте.

Грег Валтон прокрутил ей ту же самую запись, что и сотрудникам МИ-6 несколькими днями ранее, ту, где Алтея приказывает казнить Боба Дейли.

– Вы когда-нибудь раньше слышали этот голос?

– Жаль вас разочаровывать, но нет. Во всяком случае, я такого не помню.

– Подумайте хорошенько. Может, это кто-то из вашего очень далекого прошлого, даже из детства, или из тюрьмы Луизианы?

Трейси едва заметно улыбнулась. Голос на пленке принадлежал женщине образованной, утонченной. Никто из ее сокамерниц не мог бы так грамотно говорить.

– Может, это ваша бывшая коллега из банка Филадельфии? – никак не унимался Валтон. – Или кто-нибудь из тех, кого вы с Джефом знали в Лондоне?

«Из тех времен, когда я промышляла воровством? – мысленно продолжила Трейси. – Нет, не думаю».

Слушать, как Грег Валтон, человек, которого она видела впервые в жизни, перечисляет места и людей из ее жизни так, словно очень близко, даже интимно, с ней знаком, смущало и сбивало с толку, но Трейси сохраняла самообладание.

– Нет. Уверена, я бы вспомнила.

– Вы ее наверняка знаете! – наконец не выдержал Милтон Бак. – Это факт. И если она не из вашего прошлого, значит, должна быть из вашего настоящего. Какие контакты с «Группой-99» вы имели?

– Что?! – воскликнула в гневе Трейси.

Во всех языках мира не хватит слов, чтобы в достаточной мере выразить ее ненависть к этому человеку, готовому пожертвовать чем и кем угодно ради собственной карьеры. Если бы Баку позволили действовать по своему усмотрению, Джефа оставили бы умирать от руки сумасшедшего Дэниела Купера. Трейси никогда не сможет его простить.

– Подумайте очень хорошо, прежде чем ответить, мисс Уитни, – предупредил Бак. – Если сейчас солжете, мы можем отменить любое прошлое соглашение. Оно утратит законную силу.

– Мне не нужно думать, – огрызнулась Трейси. – Я никогда не имела никаких контактов с бандитами.

– Хм. Однако вы ими восхищаетесь, верно? – Милтон Бак презрительно изогнул верхнюю губу, явно получая наслаждение от того, что задевал больные места. – Все эти трескучие антиправительственные фразы… Как раз по вашей части.

– Я действительно одно время ими восхищалась, – вызывающе ответила Трейси. – До казни Дейли их технические приемы меня впечатляли, как и многих других, помимо меня. Я хочу сказать, нет сомнений в том, что они умны. Взломать компьютеры в Лэнгли – дело непростое.

– Непростое, точно, – с горечью пробормотал Грег Валтон.

– Они сумели обвести вокруг пальца кучу правительственных и разведывательных организаций и крупнейших нефтяных компаний, – продолжила Трейси. – Но я никогда не одобряла их взгляды, агент Бак, за исключением неприязни к фрекинг-индустрии. И уж совершенно точно я не восхищаюсь ни террористами, ни убийцами.

– Значит, вы не верите в перераспределение богатств, отнятых у одного процента власть имущих? – скептически спросил Милтон Бак. – Что нужно грабить богатых и помогать бедным?

– Безусловно, нет. Оглянитесь вокруг, агент Бак. – Трейси указала на дорогие картины, висевшие на стенах, на шкафчик в столовой, полный серебра. – Я вхожу в этот самый один процент. И судя по вашему описанию, эта женщина, Алтея, тоже. Если она достаточно богата, чтобы швырять миллионы «Группе-99», разве, с их точки зрения, она не часть проблемы?

Последняя фраза предназначалась Грегу Валтону, и он ответил:

– С «Группой» происходит много такого, что нам непонятно. Множество противоречий. Мы вместе с британцами пытаемся систематизировать происходящее, чтобы получить более ясную картину их целей. Но одно нам ясно уже сейчас – дни мирных протестов позади. И сейчас где-то там есть заложник, чьей жизни угрожает серьезная опасность.

– Это я знаю, – чуть мягче сказала Трейси. – Хантер Дрексель.

– И он наверняка не последний. Мы думаем, Алтея держит в руках всю сеть целиком. Трейси, нам нужна ваша помощь, чтобы отыскать ее. Поедемте с нами в Лэнгли.

Трейси широко раскрыла глаза. Не будь ситуация столь серьезной, она бы расхохоталась.

– Вы хотите, чтобы я поехала в Лэнгли? Прямо сейчас?

– «Хотим» – не то слово. – Голос Грега Валтона звучал убийственно серьезно. – Нам это жизненно необходимо. Вы – наша последняя надежда.

– Нет, – на автопилоте отказалась Трейси, – не поеду. Не могу. У меня сын.

Она поднялась и подошла к окну. На улице стало совершенно темно, и ей было видно лишь собственное отражение в стекле.

«Выгляжу как домохозяйка на кухне. Какая нелепость: я и есть домохозяйка на кухне».

Снова повернувшись к агентам, Трейси сказала:

– Послушайте: я знать не знаю эту женщину. Чистая правда, как перед Богом. Мы никогда не встречались. Ей определенно известно, кто такая я, но это не означает, что мы с ней знакомы.

Грег Валтон нетерпеливо подался вперед.

– Даже если вы говорите правду, даже если выяснится, что вы ее действительно не знаете, то все равно можете нам помочь.

– Не вижу как.

– У вас с Алтеей много общего.

Трейси нахмурилась.

– И как вы это выяснили?

– Вы обе – богатые независимые женщины, хорошо разбираетесь в компьютерах, успешно избегаете внимания властей во многих странах, играете по своим собственным правилам, скрываете свою личность. Вам удалось подняться на вершину того, что традиционно считается исключительно мужской сферой деятельности. Вы обе – любительницы риска.

– Уже нет, – твердо заявила Трейси. – Мои безрассудные дни позади. А она – террористка, мистер Валтон.

– Грег.

– Ну а я – домохозяйка.

– Алтея вас знает, – стоял на своем Грег. – И вы как минимум можете помочь нам понять ее стратегию, ее модус операнди. Если мы сумеем предсказать ее следующий ход и определить ее слабые места, у нас появится шанс ее остановить. Как ей удается уходить из наших сетей? Что бы на ее месте сделали вы?

– Понятия не имею! – с досадой ответила Трейси. – Группа хакеров, мир Алтеи – все это для меня закрытая книга.

– Так давайте ее откроем. – Тон Грега Валтона делался все настойчивее. – Мы расскажем вам о «Группе» все, что известно нам и британской разведке. Поверьте, Трейси, не будь у меня уверенности, что вы в состоянии нам помочь, я бы сюда не приехал. Сам президент просил нас обратиться к вам.

Трейси скептически подняла бровь.

– Правда?

– Президент Хейверс будет счастлив лично вам позвонить и подтвердить это, – вцепился в нее Валтон, учуяв легкие колебания в голосе. – Отыскать Алтею и загнать в угол «Хакеров» – вот какова сейчас основная задача агентов национальной безопасности и Белого дома. Звонок из Овального кабинета можно организовать, если вы этого хотите.

Трейси провела рукой по волосам.

– Простите, Грег, я польщена, честное слово. Но, если президент думает, что я в состоянии помочь, боюсь, его ввели в заблуждение. Даю слово, если вспомню хоть о какой-нибудь связи между мной и Алтеей, о любой ниточке, которую вы можете использовать, тотчас вам позвоню, но в Лэнгли не поеду. У меня сын.

– Да, Николас. – Грег Валтон вздохнул.

– Верно. Когда я оставила его в последний раз, то едва не вышло, что навсегда. И тогда я поклялась ему и самой себе, что больше никогда не буду подвергать себя опасности.

– Даже ради своей страны?

Трейси покачала головой.

– Я люблю свою страну, но сын мне дороже. – Она снова взглянула на часы. – А сейчас, джентльмены, прошу извинить: мне пора за ним ехать.

Милтон Бак больше не мог сдерживаться:

– Не вам решать, Трейси! Думаете, кому-то есть дело до ваших приоритетов или детских памперсов, когда американцев похищают и пытают, а со счетов ведущих компаний исчезают миллиарды долларов? Да кем вы себя, черт побери, возомнили?

– Довольно. – Грег Валтон не повысил голос, но по выражению его лица можно было догадаться, что он в ярости на своего коллегу. – Приношу свои извинения, мисс Уитни, и благодарю за то, что уделили нам время. – Он протянул Трейси визитку. – Если все же передумаете или у вас появится хоть какая-нибудь информация, пожалуйста, позвоните мне. В любое время суток. Не нужно нас провожать, мы сами.

Он направился к двери, и Милтон Бак поплелся за ним, как обиженный ребенок.

Когда они уже выходили, Трейси сказала:

– Сожалею, что не оправдала ожиданий.

Милтон Бак остановился, давая возможность коллеге отойти подальше, и прошипел:

– Вы действительно пожалеете, но уже по-настоящему.

Минут пять мужчины ехали по горной дороге в каменном молчании, затем Грег Валтон повернулся к Милтону Баку и приказал:

– Этот вопрос нужно решить!

Добродушный тон, которым он разговаривал с Трейси, исчез, и сейчас в его словах была угроза.

– Как?

– Не моя проблема. Мне плевать, как вы это сделаете, но если не привезете Трейси Уитни в Лэнгли, то попрощаетесь с карьерой. Это ясно?

Милтон Бак с трудом сглотнул:

– Куда уж яснее…

Ник и Трейси сидели за обеденным столом и смотрели видео на его телефоне.

– Это ужасно! – сквозь смех сказала Трейси.

– Знаю, – ухмыльнулся Ник. – Я выложу это в Сеть.

– Ничего подобного, – грозно произнес Блейк Картер. – Дай мне телефон.

– Что? Нет! – воскликнул Ник. – Да ладно, Блейк. Это же забавно. Держу пари, это станет хитом.

– Это неуважение, вот что это такое! – отрезал Блейк, и, не обращая внимания на протесты мальчика, взял телефон и удалил видео, на котором директор средней школы, окинув взглядом коридор и решив, что никого нет, громко пукает.

– Мама! – запротестовал Ник.

Трейси пожала плечами, утирая слезы смеха.

– Прости, милый. Тебе не следует вот так подкрадываться к людям.

– Не к «людям»! – возмутился Блейк. – К взрослым. К учителям, черт подери! В мое время за подобное пороли, и правильно делали.

– В ваше время не было мобильников, – сердито буркнул Ник. – Единственным вашим развлечением было бить по мячу на веревочке. Знаете, в чем ваша проблема? Вы просто не умеете веселиться.

– Ник! – воскликнула Трейси. – Извинись сейчас же.

– Извиняюсь, – с сарказмом произнес Ник, едва удержавшись, чтобы не расшаркаться. – Пойду лучше к себе.

Спустя несколько секунд с громким стуком захлопнулась дверь его комнаты.

Блейк повернулся к Трейси.

– Почему ты поощряешь его выходки?

– Ой, да брось ты! Ведь и правда смешно.

– Это ребячество.

– Да, но ведь он и есть ребенок, – сказала Трейси. – А тебе совсем не обязательно постоянно изображать из себя Синего Орла[6].

Блейк обиделся.

– Я ему не приятель, а родитель. – Сообразив, что сказал явно не то, Блейк покраснел: – Ну я имел в виду… ты понимаешь…

– Ты правильно все сказал, – успокоила Трейси, положив ладонь на его руку. – Ему повезло, что у него есть ты. Нам обоим повезло.

Трейси горячо любила Блейка Картера. В свои почти семьдесят старый ковбой был чудесным отцом для Николаса и лучшим другом, о каком она только могла мечтать. Она знала, что

[6] Персонаж «Маппет-шоу», особенностью которого были консервативные взгляды на жизнь, а также патриотизм; Синий Орел был пародией на американского консерватора.

Блейк ее любит: несколько лет назад он даже делал ей предложение, но, хотя Трейси не могла ответить ему взаимностью, все равно считала членом своей семьи:

– Что-то еще случилось? – встревожился Блейк. – Помимо Ника?

Блейк Картер видел ее насквозь. Пытаться что-то скрыть от него – все равно что прятаться от ока Всевышнего – пустая трата сил.

– Ко мне сегодня приезжали из ФБР.

Блейк Картер замер, как почуявший опасность олень.

– И из ЦРУ, – добавила Трейси. – Вместе.

– Чего они хотели?

Трейси рассказала не все, но самое главное, не забыв про предложение Грега Валтона полететь с ними в Лэнгли.

– И что ты им ответила? – с тревогой спросил Блейк.

– Разумеется, я сказала «нет», потому что уверена: с этой женщиной никогда не встречалась. А то, что мне известно о борьбе с терроризмом, можно записать на обороте почтовой марки.

– Но они почему-то надеются на твою помощь? – мягко уточнил Блейк.

– Ну да, только зря. И не говори, что я должна поехать в Лэнгли!

– Конечно, мне бы этого не хотелось. – Голос Блейка звучал чуть хрипловато от обуревавших его эмоций. – Но, может, не имеет значения, чего хочу я или ты. Эти люди из «Группы», похоже, вышли из-под контроля, и кто-то должен дать им отпор. Они против всего, за что борется наша страна, против всего, на чем стоит Америка.

– Вот видишь, ты опять в роли Синего Орла, – усмехнулась Трейси.

– Я всего лишь сказал, что их необходимо остановить. Ты не согласна?

– Конечно, согласна, – огрызнулась Трейси. – Их остановят. Только без меня. Я не шпионка, Блейк. Мне нечего им предложить. Одному богу известно, откуда эта женщина, Алтея, знает обо мне и как умудрилась убедить ФБР, ЦРУ и Белый дом, что у меня имеется некая тайная информация, некая магическая сила, которая поможет мне сделать за них всю работу. Это просто абсурд! Я чувствую себя, как Алиса, провалившаяся в кроличью нору.

– Хорошо, дорогая. Успокойся.

– И даже если бы это не было абсурдом, даже если бы я могла помочь, а я не могу, то все равно не оставила бы Ника. Ни за что на свете.

– Да, понимаю.

– Честно говоря, мне почему-то кажется, что не понимаешь. – В глазах Трейси уже блестели слезы: она явно расстроилась и рассердилась, только не знала пока, на кого. – Думаю, тебе лучше сейчас уйти, Блейк.

Старый ковбой вскинул бровь.

– Хорошо, если ты хочешь именно этого…

И прежде чем она успела собраться с мыслями, он взял шляпу и ушел. Трейси слышала, как отъезжает его автомобиль, а затем из комнаты Ника донеслись громкие, яростные ритмы музыки. Совершенно вымотанная, Трейси убрала со стола тарелки и отправилась спать.

Но не тут-то было: спустя два часа она все еще глазела в потолок, не в силах заснуть, и думала о Блейке Картере. Почему он всегда должен быть таким хорошим? Таким чертовски самоотверженным, честным и добродетельным? Неужели он не понимает, как сильно это раздражает?

Она думала о Николасе и о том, как он похож на отца. Джеф бы хохотал над тем видео. Трейси пыталась не признаваться в этом даже себе, но иногда она так сильно тосковала по Джефу, что сердце словно придавливало каменной плитой.

Наконец, несмотря на все усилия забыть о сегодняшних визитерах, Трейси стала думать о них: невысоком обаятельном цэрэушнике Греге Валтоне с его серьезными просьбами и агрессивном, ненавистном Милтоне Баке с его неприкрытыми угрозами.

«Сожалею, что не оправдала ожиданий».

«Вы действительно пожалеете, но уже по-настоящему».

Об этом Трейси не рассказала Блейку: не хотела волновать. Блейк ничего не знал о краже, случившейся в Лос-Анджелесе всего несколько лет назад, когда Трейси украла изумруды Брукштейнов прямо из-под носа своей соперницы, Ребекки Мортимер.

После дела «Библейского Джона» ФБР пошло на сделку и гарантировало Трейси освобождение от ответственности за это преступление и за ряд других. Она тогда выручила их, и они пообещали отплатить услугой за услугу. Но Трейси слишком хорошо знала агента Милтона Бака: он и глазом не моргнет и расторгнет любую сделку, если это поможет ему продвинуться по карьерной лестнице.

«Нет, только не в тюрьму, – подумала Трейси. – Больше никогда в жизни».

Но не один Милтон Бак приберегал в рукаве опасные тайны. Шантаж, как поняла Трейси много лет назад, – это игра для двоих, и поэтому давно подготовила свой следующий шаг. Если Бак попытается достать ее из-за этого дела с «Группой-99», у нее тоже есть оружие.

Наконец Трейси задремала, и, погружаясь в объятия сна, а потом снова выныривая на поверхность, она подумала про Алтею, эту таинственную, жестокую и богатую женщину, которая вынудила президента Соединенных Штатов и его многочисленных подручных хвататься за соломинку.

Кто она такая? Где она? Откуда знает ее, Трейси? Как она связана с «Группой-99»? И не она ли несет ответственность за то, что организация мирных антиправительственных идеалистов превратилась в жестоких террористов, таких же кровожадных и безжалостных, как и все прочие?

Снова вспомнились слова Блейка Картера: «… не имеет значения, чего хочу я… или ты… кто-то должен дать им отпор».

Измученная, Трейси Уитни наконец заснула.

Глава 6

Салли Файерс терпеливо ждала, когда четыре ключа сольются в один, чтобы можно было отпереть дверь. А еще лучше, если бы чертова дверь перестала раскачиваться. Но после четырех больших порций водки с тоником нельзя рассчитывать на все блага сразу.

Квартира Салли находилась на Бофорт-стрит в Челси, как и сотни других в типовом викторианском доме из красного кирпича. По журналистским стандартам, это прекрасное место: в дорогой части Лондона, приличное транспортное сообщение, не заросло плесенью. Колумнистка «Таймс» Салли Файерс, неоднократно отмеченная наградами, была, безусловно, обеспеченной, но вряд ли ей когда-нибудь удастся заработать состояние. Никто не занимается журналистскими расследованиями ради денег. И все же у Салли имелось собственное жилье, она сама выплачивала ипотеку и даже, когда того требовала ситуация, на свои кровные покупала водку.

Наконец ключ вошел в замочную скважину – это было так неожиданно, что Салли ткнулась головой в дверь, больно ударившись, и выругалась себе под нос.

Четыре пролета лестницы – тяжелое испытание. Пожалуй, придется выкроить время для спортзала когда-нибудь… Спотыкаясь, тяжело дыша, Салли ввалилась в квартиру и скинула наконец ненавистные шпильки.

Что за ночка! Лишь к шести вечера удалось закончить скандальную статью об одном священнике из высокопоставленных английских католических священников, оказавшемся педофилом, после чего Салли отправилась в ближайший паб, чтобы отпраздновать это дело. Бойфренда в данный момент не было: с одним порвала, а нового еще не завела, – поэтому пришлось довольствоваться поцелуйчиками в такси с Джоном Уилером из спортивного отдела. Салли даже подумала, не пригласить ли его выпить стаканчик на сон грядущий – в редакции поговаривали, что у Джона самый большой член во всем Уоппинге, – но тут вспомнила, что случилось в прошлый раз, когда она переспала с Уиллом, молодым сексуальным стажером из новостного отдела. Потом бедолага Уилл страдал несколько недель: то и дело останавливался у ее письменного стола, звал «на чашечку кофе» и не давал работать. В конце концов пришлось поговорить с редактором, и мальчишку перевели в отдел некрологов. Салли до сих пор было стыдно.

Добравшись до ванной, она стянула насквозь пропахшее дымом платье и колготки, включила душ и, глянув на свое отражение в зеркале, встала под воду. В свои тридцать два Салли Файерс сохранила прекрасную фигуру, несмотря на ненависть к спортзалам, начальную стадию алкоголизма и довольно распущенный образ жизни. Тонкая талия, большая грудь, длинные, упругие ноги и небольшой курносый носик, который сама Салли ненавидела, но мужчины находили исключительно сексуальным. Светло-серые глаза напоминали утренний туман, а широкий рот мог исторгать огромное количество непечатных слов, ругательств и богохульств, особенно когда его владелицу поджимали сроки сдачи статей. Светлые волосы Салли коротко стригла и почти всегда ходила с грязной головой из-за хронической нехватки времени и нежелания приводить себя в порядок.

Едва она залезла в душ, как зазвонил телефон.

Салли застонала. «Мать вашу, сейчас два часа ночи!» Вообще-то для нее не было ничего необычного во внеурочных звонках, но когда она заканчивала статью, то, как правило, у нее появлялась возможность немного расслабиться и отдохнуть перед следующим расследованием. Пока Салли писала эту последнюю статью, некоторые звонки просто раздирали душу. Погубленные, сломленные мужчины рыдали в телефонную трубку, вспоминая, как над ними издевались в детстве.

Отстраненность и беспристрастность были частью журналистской работы, но Салли так толком и не сумела развить в себе эти качества, как и способность игнорировать телефонные звонки.

Завернувшись в полотенце, она, спотыкаясь, побрела обратно в коридор и сняла трубку.

– Салли Файерс.

– Привет, о божественная.

Сердце Салли упало. Связь была паршивой, но она узнала бы этот голос где угодно – низкий мужественный голос американца, то лениво медлительный, то рокочущий.

– Хантер. – Даже просто произнести его имя было мучительно. – Стало быть, ты жив.

– Совсем ни к чему так этому радоваться.

– Я и не радуюсь, ты скотина.

– Ну, это уж совсем не по-доброму. Знаешь, я пережил прошлый год только потому, что представлял, как ты, голая, обхватываешь своими роскошными ногами мою талию. Помнишь Стокгольм?

– Нет, – отрезала Салли. – Я пережила прошлый год только потому, что представляла тебя, прикованного цепями к стене в каком-нибудь богом забытом убежище «Хакеров» с парой электродов, приклеенных к яйцам.

Хантер засмеялся.

– Я по тебе скучал.

– Так, значит, они тебя отпустили?

– Вообще-то я сбежал.

Теперь засмеялась Салли.

– Чушь собачья! У тебя навыков выживания не больше, чем у ежика, пересекающего скоростную трассу.

– Я их развил. – В голосе Хантера слышалась обида. – Правда, мне немного помогли приятели-соотечественники. В самом начале.

Даже сквозь алкогольный дурман Салли могла читать между строк.

– Ты хочешь сказать, что все-таки там был? В лагере под Братиславой?

– Был, – подтвердил Хантер.

– И они тебя там оставили?

– Не совсем. Я от них убежал.

Салли соскользнула по стене и плюхнулась на пол.

– Но почему?..

– Долгая история.

Салли захлестнул целый поток эмоций, но самой сильной из них было облегчение: Хантер жив! Пусть он разбил ее сердце на миллион крохотных кусочков, когда бросил ради той потаскухи Фионы из «Нью-Йорк таймс», но все равно Салли не хотела бы видеть его череп разбитым на куски, как у бедолаги Боба Дейли.

Сразу после облегчения наступало возбуждение. Весь мир сейчас разыскивал Хантера Дрекселя и делал ставки по поводу его дальнейшей судьбы, а она, Салли Файерс, разговаривает с ним по телефону, слушает, как он сбежал от своих американских спасителей. Оказывается, заявление президента Хейверса было сплошной ложью! Вот это сенсация!

Потянувшись, она взяла со столика в коридоре блокнот и карандаш.

– Ты где?

– Извини, – усмехнулся Хантер, – но этого я тебе сказать не могу.

– Ну хоть намекни.

– И не вздумай никому рассказать об этом звонке!

Салли засмеялась.

– Да пошел ты! Это же новость для первой полосы. Как только мы закончим разговор, я сразу же позвоню в редакцию «Новостей».

– Салли, я не шучу. Ты никому ничего не расскажешь. – Голос Хантера внезапно сделался убийственно серьезным. – Если меня найдут, то убьют сразу.

– Найдет кто? – уточнила Салли.

– Это сейчас не важно! Я должен просить тебя об услуге.

Просто удивительно, как быстро облегчение может смениться гневом.

– Это в какой же альтернативной вселенной я, по твоим соображениям, соглашусь оказать тебе услугу? – поинтересовалась Салли.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что раскопала, – не обращая внимания на ее возмущение, сказал Хантер. – Помнишь греческого принца, которого нашли повешенным в Сандхерсте?

– Конечно. Ахилл. Самоубийство. Хантер, ты что, прямо сейчас работаешь над статьей? Но это же…

– Я почти уверен, что это не самоубийство, – прервал ее Хантер. – Мне нужно, чтобы ты разыскала все, что можно, о генерал-майоре Фрэнке Дорриене из Сандхерста.

Последовала пауза, потом Салли сказала:

– Ты думаешь, что этот чувак Дорриен убил принца Ахилла? Ты что, под кайфом?

– Просто покопайся и найди что сможешь. Пожалуйста.

– Скажи, где ты, и я подумаю, – предложила Салли.

– Спасибо. Ты ангел.

– Эй, я не сказала «да»! Хантер?

– Что-то на линии. – Он принялся дурачиться, издавая в трубку какие-то нелепые звуки вроде треска.

– Не смей отключаться! Клянусь Богом, если ты сейчас прервешь связь, я сию же секунду позвоню в ЦРУ и расскажу о звонке, причем повторю каждое слово, а потом напишу статью в завтрашний номер «Таймс».

– Нет, ты этого не сделаешь, – жестко сказал Хантер и отключился.

Салли Файерс долго сидела голая в коридоре с телефонной трубкой в руке, пока не сказала:

– Да пошел ты, Хантер Дрексель.

И добавила мысленно: «Ты вырвал из груди мое сердце. Ты меня попросту предал. А теперь рассчитываешь, что я умолчу о величайшей новости за всю мою карьеру, тихонечко пойду и сделаю за тебя всю грязную работу, начну охоту за призраками, буду копаться в какой-то сомнительной истории про Сандхерст?»

– Не хочу и не буду! – завопила Салли что есть мочи в пустом коридоре квартиры. – Ни за что!

Но уже в этот момент она знала, что все сделает.

Хантер повесил трубку и вышел из телефонной будки на пронизывающий ветер. Как ему хотелось сейчас оказаться в Лондоне, с Салли, и желательно в постели! При одной лишь мысли о ней у него стало тесно в штанах. Эти ноги. Эти груди… Как могло случиться, что он ее бросил?

«Салли права: я скотина».

Хантер с несчастным видом огляделся. И по одну, и по другую сторону замусоренной улицы бедно одетые люди ныряли в уродливые бетонные многоэтажки, в офисы или в кафе, куда угодно, лишь бы спрятаться от холода. Несколько несчастных душ, вынужденных дожидаться автобуса, стояли на остановке, сбившись в кучку, как овцы по дороге на бойню, и топали ногами, курили, хлопали руками в перчатках, чтобы хоть как-то согреться.

Румыния – красивая страна, но Орадя, город, в котором Хантер провел последние три дня, оказался настоящей дырой с заброшенными зданиями коммунистической архитектуры и депрессивными безработными. Больницы были забиты брошенными детьми, грязные цыганские семьи бродили по улицам, некоторые спали на горах мусора, готовые замерзнуть или допиться до смерти.

Если Румыния – супермодель, думал Хантер, то Орадя – прыщ на ее заднице. Здесь нет красот Трансильвании, нет изысканности Бухареста. Нигде не видно ни намека на экономическое возрождение, о котором так много говорят. Куда бы Румыния ни потратила миллионы Евросоюза, сюда они не попали. Орадя выглядел забытым городом, но Хантеру Дрекселю он подходил идеально. Сейчас нужно, чтобы о нем забыли, а здесь никто не будет его искать.

Но в Ораде не все были нищими. В старом городе, на берегах реки Кришул-Репеде, стояло несколько великолепных особняков, оставшихся от докоммунистических дней, на которые заявили свои права бывшие владельцы. Теперь они были забиты картинами и бесценным антиквариатом, а в садах, окруженных аккуратно подстриженными живыми изгородями, росла лаванда. Эти дома сияли, как звезды в угольно-черном небе, и казались совершенно неуместными, как недавно ограненные алмазы в навозной куче. Ими владели преимущественно коренные румыны: гангстеры, коррумпированные местные чиновники и немногочисленные бизнесмены, которые мало-помалу возвращались к себе на родину после долгих лет зарубежной ссылки.

В одном из таких домов Хантер и остановился. Его владелец Василь Ринеску, магнат, занимавшийся недвижимостью, отлично играл в покер и в некотором роде мог считаться другом.

– Если ты пришел, чтобы поиграть, добро пожаловать, – сказал Василь Хантеру, когда тот появился у него на пороге, дрожащий и отчаявшийся. – Ничего не знаю про кровь, но покер точно гуще водицы.

– И слава богу, – отозвался Хантер.

– Как раз в эту субботу у меня будет большая игра. Очень интересные игроки. Высокие ставки.

– Отлично! Мне как раз очень нужны деньги. Я… в общем, я оказался в довольно трудном положении.

Василь захохотал.

– Может, у нас тут и тихая заводь, друг мой, но за новостями мы все-таки следим! Весь мир знает о твоем «трудном положении».

На лице Хантера отразилась паника, но хозяин его успокоил, хлопнув по спине:

– Не волнуйся. Мои друзья умеют держать язык за зубами. Никто не сдаст тебя ни ЦРУ, ни бандитам. Если, конечно, в случае проигрыша ты не откажешься платить. Тогда твою судьбу будет решать тот, кому будешь больше должен.

– Понятно.

– После того как закончат пытать.

– Ясно. – Хантер рассмеялся. – В таком случае мне лучше не проигрывать.

– На твоем месте я бы очень постарался, – на сей раз совершенно серьезно сказал Василь.

Хантер не проиграл. За три дня в доме Василя, где впервые после похищения в Москве он наслаждался домашней едой и нежился в горячей ванне, Хантер сумел выиграть достаточно, чтобы теперь провести в бегах как минимум месяц.

Хантер понимал – держаться на шаг впереди американцев будет легко. Его беспокоила «Группа-99», в особенности Аполло. Этот садист наверняка сочтет его побег личным поражением и захочет отомстить. Если Хантер позволит себе хотя бы кинуть взгляд на компьютер, Аполло его найдет. Это значит – никаких имейлов, никаких кредиток, никаких мобильников, никаких арендованных машин, самолетов, никакого присутствия в Интернете, чтобы не оста-

вить следов. Начиная с этого момента и до тех пор, пока его статья не будет завершена и напечатана во всех мировых изданиях, Хантеру придется скрываться.

К счастью, покер с помощью выигранной наличности обеспечил идеальную возможность создать новую, невидимую версию самого себя. Игроки в покер – прирожденные хранители тайн, обладающие чувством лояльности по отношению друг к другу. Благодаря покеру, у Хантера по всей Европе имелись друзья вроде Василя Ринеску. Он сможет перескакивать из одного безопасного дома в другой, зарабатывать на жизнь, а в перерыве между играми работать над статьей. Разумеется, без компьютера или телефона собирать информацию будет сложно, так что без помощи Салли Файерс не обойтись, но Хантер знал, что она не откажет. Салли может не доверять ему как мужчине, но уважает как журналиста и понимает, что это будет бомба.

После публикации своей статьи, когда правда, вся правда о «Группе-99» выплывет наружу, он сам придет к американцам. Конечно, нужно будет кое-что объяснить, но, к счастью, не ему одному.

Поплотнее закутав шарфом нижнюю половину лица, Хантер направился через мост к особняку. Василь Ринеску – замечательный хозяин, но его гостям уже надоело проигрывать, так что завтра надо двигаться дальше.

Глава 7

Джеф Стивенс сидел в эксклюзивном частном клубе «У Мортона» в районе Мейфэр. Он только что крупно проигрался в карты и смотрел на девушку в конце барной стойки. Что-то в ответной улыбке этой гибкой блондинки подсказывало, что удача еще может повернуться к нему лицом.

Заказав бокал шампанского «Дом Периньон» урожая 2003 года и стакан «Перрье», он пересек зал по отполированному до блеска паркету и подошел туда, где она устроилась на обитом бархатом барном стуле, болтая бесконечно длинными ногами. На вид ей было около двадцати с небольшим, с высокими скулами и молодой, словно светящейся кожей, в коротком серебристом платье. Она относилась именно к тому типу девушек, каких предпочитал Джеф.

– Ждете кого-нибудь?

Он протянул ей бокал шампанского.

Она мгновение поколебалась, затем взяла бокал, и взгляд ее серых глаз встретился с темно-синими глазами Джефа.

– Уже нет. Я Лианна.

Джеф, усмехнувшись, представился, мысленно прикидывая, сколько минут флирта понадобится, чтобы увезти Лианну с собой. Хочется надеяться, не больше пятнадцати и еще одна порция спиртного.

Завтра у него трудный день.

Джеф Стивенс был аферистом и мошенником столько, сколько себя помнил. Азы этого ремесла изучал еще мальчишкой в ярмарочном заведении дядюшки Вилли, и они помогли ему объехать весь мир, побывать в таких местах, о которых юный Джеф не мог даже мечтать, потому что не представлял, что подобные места существуют. Благодаря острому, изобретательному уму, обаянию и необыкновенно привлекательной внешности, Джеф быстро поднялся к самым вершинам своей «профессии»: воровал бесценные картины из знаменитых во всем мире картинных галерей, оставлял без бриллиантов богатых наследниц, а гангстеров-миллиардеров – без дорогой недвижимости. Ему удавалось проворачивать крупные дела в «Восточном экспрессе», на корабле «Квин Элизабет», в «Конкорде» еще до того, как произошло трагическое крушение этого авиалайнера. Вместе с Трейси Уитни в свое время Джеф организовал несколько самых дерзких и выдающихся краж, когда-либо случавшихся в городах Европы, всякий раз нацеливаясь на жадных и коррумпированных и всякий раз умудряясь быть на шаг впереди полицейских, что не давало им возможности связать его с каким-либо преступлением.

То были счастливые дни, во многих отношениях лучшие в его жизни, хотя он и сейчас счастлив. После того как они поженились, она вдруг решила, что Джеф ей изменяет, хотя впоследствии выяснила, что ошиблась, и исчезла на десять долгих лет. Теперь они снова начали общаться. Несколько лет назад Трейси спасла ему жизнь, когда свихнувшийся бывший страховой агент Дэниел Купер попытался его убить. Именно после того сурового испытания Джеф узнал, что у него есть сын Николас.

Когда Трейси от него ушла, не сказав о своей беременности, она воспитывала сына одна в Колорадо на ранчо, где ей помогал управляющий, порядочный и славный парень Блейк Картер.

Джеф быстро понял, что Блейк, по сути, заменил Нику отца, полюбил мальчика, так что ничего в жизни сына не следовало менять. Трейси представила его Нику как старого друга, и Джеф стал собственному сыну кем-то вроде неофициального крестного отца.

Возможно, это покажется странным, зато для ребенка так было лучше. Джеф обожал Ника, но поскольку вел слишком бурную жизнь, то не мог обеспечить сыну нормальное окружение. А так они могли оставаться друзьями, иногда встречаться и посылать друг другу глупые

видео, которые Трейси не одобряла. Джефу хотелось бы навещать сына чаще, и он надеялся, что со временем она на это согласится.

Что до Трейси, то ее любовь к Джефу Стивенсу никуда не делась и с годами стала сильнее, но она тоже построила новую жизнь: мирную, спокойную, вполне ее удовлетворявшую. Джефу, как и прежде, нужен был адреналин, сопутствующий каждой очередной афере, – это было частью его натуры, как, например, ноги, руки или мозги. Но он готов был отказаться от всего этого ради Трейси, как он сделал однажды, когда они поженились. Но умница Трейси сказала: «Если ты это бросишь, то перестанешь быть собой. А я люблю тебя именно такого».

И Джеф вернулся в Лондон, к своей прежней жизни, но на этот раз все изменилось. Стало лучше. Теперь он знал, что Трейси жива. И не просто жива, а цела, невредима и счастлива. Что еще чудеснее, у него был сын, изумительный мальчик. Ник стал его целью во всем. Каждая работа, за которую Джеф брался, каждое заработанное пенни – все для него, для Ника.

Он перестал пить, азартные игры хоть и не бросил, но играл реже и, кроме того, не брался за работу, которую считал слишком рискованной. Теперь, когда он был не один, Джеф не мог позволить себе безрассудство, но, с другой стороны, думал он, поглаживая бедро Лианны и ощущая, как твердеет его член, у мужчины должны быть свои удовольствия.

Жениться Джеф больше не собирался: все равно никого не сможет полюбить. Но как можно отказаться от женщин? Это все равно что оставить кита без воды, а подсолнух – без солнца.

Он уже собирался попросить счет и посадить прелестную Лианну в такси, когда между ними откуда ни возьмись возник высокий худой пожилой мужчина и, в бешенстве сверкая глазами, спросил:

– Ты кто, черт подери, такой? И почему решил, что можешь лапать мою невесту?

Джеф, вскинув бровь, взглянул на Лианну, но та лишь виновато улыбнулась.

– Джеф Стивенс. – Он протянул разгневанному мужчине руку, но в ответ получил еще один испепеляющий взгляд. – Она не упоминала, что… что вы… эээ… мои поздравления. Когда же наступит великий день, мистер?..

– Клинсманн.

Джеф едва не поперхнулся. Дин Клинсманн был, пожалуй, самым крупным застройщиком в Лондоне после братьев Канди и, по слухам, возглавлял большую преступную группировку. У него имелась своя небольшая армия, состоявшая из поляков. Днем – строительные подрядчики, а после работы они превращались в головорезов и наносили визиты врагам и конкурентам Клинсманна. Джефу Стивенсу определенно не хотелось, чтобы навестили и его, поэтому он поспешил ретироваться:

– Приятно было познакомиться, мистер Клинсманн. Я, пожалуй, пойду.

– Вали!

Бросив на стойку пачку полусотенных, Джеф едва не бегом ринулся к двери.

– Как там его, напомни… – прорычал Дин Клинсманн, сверля взглядом свою юную невесту, когда Джеф скрылся из виду.

– Майдели, – ответила Лианна, не моргнув глазом. – Макс Майдели. Он тут в отпуске. Верно, Джеймс?

Бармен побелел, услышав свое имя.

– Кажется, так, мадам.

– Он вроде бы из Майами, – глядя на него в упор, продолжила девушка. – Производит кофе-машины или что-то в этом роде.

Дин Клинсманн хмыкнул и заявил:

– Не желаю, чтобы ты с ним даже разговаривала. Не смей!

– О, милый! – Лианна обвилась вокруг любовника как змея и сладострастно прошептала: – Ты такой ревнивый! Он всего лишь проявил дружелюбие. В любом случае тебе не о чем беспокоиться: завтра он улетает обратно в Штаты.

Джеф Стивенс добирался до дома на такси дольше, чем обычно, из-за тупости водителя, который зачем-то решил объехать парк. Пока они ползли мимо величественных особняков, Джеф поймал себя на том, что прислушивается к ток-шоу по радио. Политики жарко спорили на тему «Группы-99», обсуждая бесплодные поиски убийцы капитана Дейли и американского заложника Хантера Дрекселя.

– Во всем виноваты американцы, – настаивал один из участников дискуссии. – Я имею в виду, если ты давишь авторитетом и учишь других жить, попираешь международные законы и врываешься с оружием в руках в чужие страны, то по крайней мере, во-первых, убедись в том, что твой заложник действительно там, и, во-вторых, стреляй в того, кто тебе нужен. А что мы имеем теперь? Убийца Дейли сбежал, Хантера Дрекселя по-прежнему удерживают неизвестно где, а в морге Братиславы полно убитых подростков.

– Они не просто убитые! – взревел в ответ оппонент. – Это вражеские солдаты, павшие в бою, получившие по заслугам за то, что сотворили с Бобом Дейли. Это террористы!

– Побойтесь бога! Они же дети! Террорист тот, кто застрелил Боба Дейли, но ведь с пулей в башке лежит не он!

– Они все члены одной банды, – безапелляционно заявил его оппонент. – А значит, ответственность несут все!

– Да ну? Получается, что за ИГИЛ несут ответственность все мусульмане?

– Что? Разумеется, нет! Это две совершенно разные ситуации.

– Приехали, приятель!..

К своему облегчению, Джеф увидел, что такси наконец-то добралось до его дома на Чейни-уок. Дав таксисту чаевых больше, чем тот заслуживал, он вышел в прохладу ночи. С реки дул ветерок, что в сочетании с мягко подмигивающими фонарями на мосту Альберта успокаивало нервы.

Как многих в Англии, его искренне волновали подробности этого дела. С одной стороны, он считал, что антиамериканизм первого участника радиошоу был оскорбительным и ошибочным. Джеф достаточно долго прожил в Англии, чтобы знать: если бы британского заложника отправились спасать бойцы САС, их прославляли бы как героев, а неприкосновенность территорий Словакии пусть катится ко всем чертям. Кроме того, вряд ли САС так облажался бы.

С другой стороны, какая-то часть души Джефа была согласна с первым говорившим, когда тот назвал застреленных в братиславском лагере солдат детьми. До зверского убийства Дейли «Группа-99» не проявляла признаков насилия, «Хакеров» никогда не называли террористами. Неужели теперь всех, кто когда-либо входил в эту организацию, нужно мазать той же краской, что и монстра, застрелившего Дейли?

Джеф Стивенс знал, что из него вряд ли получится защитник «Группы-99». Раньше, когда было модно восхищаться «Хакерами», Джеф считал их политику глупой, а так называемую миссию – абсолютной утопией. Эти молодые люди из разных государств Европы пытались оправдывать свои действия, размахивая флагом социальной справедливости, но, судя по тому, что видел Джеф, на самом деле ими двигала зависть. Зависть, а еще злоба и все возрастающее чувство неудовлетворенности, которое использовали «левые» смутьяны вроде грека Элиаса Каллеса или испанца Лукаса Коломара. Может, Джеф стареет, но в его время цель заключалась в том, чтобы сначала заработать себе состояние, а потом наслаждаться им так, чтобы чертям стало жарко. Верно, в свое время Джеф нарушил множество законов: с формальной точки зрения его можно назвать грабителем, но воровал он только у тех, кого искренне считал

преступниками. И делал это на свой страх и риск, дерзко и смело, не забираясь в чужие компьютерные системы с черного хода. С точки зрения Джефа Стивенса, «Хакеры» всего лишь кучка маменькиных сынков, разбирающихся в математике и прикладных науках. А то, что они нацелились на фрекинг-индустрию, – просто чушь! Если на свете и есть нечто, что способно вывести Джека из себя, так это ханжа-экологист.

Если Николас когда-нибудь превратится в одного из этих наглых, озлобленных зануд, Джеф умрет от стыда. К счастью, такое вряд ли случится.

Поднимаясь в лифте к своему пентхаусу, Джеф с удовольствием почувствовал себя дома. Большая квартира, занимавшая весь этаж, была его радостью и гордостью. Элегантные раздвижные окна, высокие потолки, паркетные полы и впечатляющий вид на реку и противоположный берег – его квартира скорее напоминала музей, чем частную резиденцию. Со временем Джеф заполнил свое жилище бесценным антиквариатом, сокровищами, привезенными из многочисленных путешествий и приобретенными не всегда легально. Чего только не стояло на полках: и древнеегипетские вазы, и ранние издания викторианских романов, и жуткие мумифицированные головы пигмеев, законсервированные в банках. Там были монеты и статуи, окаменелости и одежды из древних захоронений, фрагменты наконечников стрел и целый нордический камень с рунами, водруженный на постамент. Все это было собрано без какой-либо логики, но каждый предмет представлял собой уникальную вещь и имел свою историю. Одна из бывших любовниц предположила, что Джеф окружает себя вещами, дабы компенсировать нехватку человеческой близости. Это замечание почему-то задело его за живое – возможно, так на самом деле и было, по крайней мере, до тех пор, пока он снова не отыскал Трейси и в его жизни не появился Ник.

Джеф прошел на кухню, засыпал кофе в кофемашину и, пока готовился напиток, отправился на террасу подышать воздухом.

После того как Джеф отказался от выпивки, кофе заменял ему виски во время вечернего ритуала и по непонятной причине не мешал заснуть. Джеф по-детски наслаждался полезными свойствами кофемашин нового поколения: сияющим хромом, кнопочками и безупречно взбитым молоком.

До Рождества оставалась неделя, и в Лондоне заметно похолодало, отчего все было покрыто искрящимся серым инеем. Снег еще не выпал, но парк уже напоминал рождественскую викторианскую открытку: неподвластный времени, мирный и прекрасный. Джеф всегда любил Рождество. В это время он снова ощущал себя ребенком, который, прижавшись носом к витрине магазина, мечтает о конфетах и подарках. Опять же, как то и дело говорила ему Трейси, Джеф никогда и не переставал быть ребенком. Единственная разница заключалась в том, что, повзрослев, он уже не глазел через стекло, а предпочитал вламываться внутрь через крышу и брать все, что понравится.

«Ты навсегда внесен в черный список Санты», – не раз пеняла ему Трейси.

Улыбнувшись воспоминанию и все еще думая о Николасе – в Рождество Джеф скучал по нему сильнее, чем в любое другое время, – он взял телефонную трубку и, подчиняясь мгновенной прихоти, набрал номер Трейси. Она не ответила, и пришлось оставить сообщение, чего Джеф терпеть не мог: «Это я. Очень хочу увидеться с Ником. Понимаю, мы тогда решили, что торопиться не следует, но все же хотел бы приехать. Прошло уже много времени, и я… я по нему соскучился. Перезвони мне, ладно?»

Нажав «отбой», злясь на самого себя, он вернулся на кухню за кофе. Нужно дождаться ответа Трейси: всегда лучше поговорить, чем общаться посредством голосовой почты, – и в этот момент зажужжал дверной звонок. Джеф от неожиданности даже подскочил: кого это черт принес в такое время? Желудок от дурных предчувствий ухнул куда-то вниз. Не мог же Дин Клинсманн выследить его так быстро! Или мог? Возможно, кто-нибудь в клубе дал его адрес. Достаточно одного телефонного звонка.

Джеф метнулся в спальню и отпер ящик прикроватного столика, где хранил пистолет. Сняв оружие с предохранителя, прижимаясь спиной к стене, он подкрался к входной двери и нервно посмотрел в глазок.

– Господи Иисусе! Ты меня до смерти напугала, – впуская гостью, выдохнул Джеф.

В дверях стояла Лианна в темно-сером кашемировом пальто и зимних сапогах.

– Я решил, что это твой жених или кто-нибудь из его головорезов явился меня прикончить.

– Нет, – похотливо улыбнулась Лианна, – это всего лишь я.

Она развязала пояс и медленно распахнула пальто, глядя Джефу прямо в глаза. Кроме сапог, на ней больше ничего не было.

– На чем мы остановились? – медленно надвигаясь на Джефа, проговорила Лианна.

На крошечную долю секунды Джеф подумал, что будет весьма необдуманно с его стороны переспать с невестой Дина Клинсманна, затем обеими руками обхватил Лианну за талию и втянул в квартиру.

До тех пор, пока жива Трейси Уитни, сердце Джефа Стивенса будет принадлежать только ей, но ведь есть и другие части тела…

А это уже совсем другое дело.

Глава 8

Трейси окинула взглядом такие знакомые стены кабинета Дэвида Харгривза: рождественские открытки от коллег и благодарных учеников покрывали каждое свободное местечко – и безнадежно подумала: через несколько дней занятия закончатся, и если бы Ник сумел продержаться чуть дольше…

Ей пришлось познакомиться с директором средней школы Ника почти так же близко, как когда-то с директором начальной школы миссис Дженсен. Бедная миссис Дженсен! Удивительно, как она сумела сохранить рассудок после всего, через что ей пришлось пройти с Николасом.

– Дело в том, миссис Шмидт, что это не просто вопрос денег. То, что сделал Николас, – вопиющий акт неуважения.

Трейси серьезно кивнула, стараясь прогнать из головы образ мистера Харгривза, громко пукающего в якобы пустом коридоре.

Ник, сидевший рядом с матерью, принял оскорбленный вид.

– А как же насчет свободы художественного творчества? На прошлой неделе учитель сказал нам, что искусство не знает границ.

– Замолчи! – в унисон воскликнули Трейси и директор.

Решение Ника пробраться в комнату отдыха после уроков и расписать стены карикатурами на некоторых учителей, скорее всего, стало вехой, отметившей конец его учебы в средней школе имени Джона Ди. Вместе с кем-то из друзей он изобразил учителей в различных смешных, как им казалось, позах (к примеру, миссис Финч, противную жирную учительницу математики, Ник нарисовал в виде начинки хот-дога – она лежала в булочке, а тренер футбольной команды выдавливал на нее кетчуп). И, говоря по правде, нарисовано было очень даже неплохо, но, как сказал директор Харгривз, суть не в этом.

– После выходных я намерен выступить на школьном совете, – заключил директор. – Скажу прямо: я сомневаюсь, что у нас остались какие-то аргументы в защиту вашего сына. Николасу множество раз давали шанс.

Директору Харгривзу вовсе не хотелось терять такую родительницу – умницу и красавицу. Может, ее сын и сорвиголова, но сама миссис Шмидт – образец для подражания. А что еще важнее, все эти годы она очень щедро жертвовала школе деньги. Вот и на этот раз Трейси предложила гораздо больше, чем нужно для компенсации ущерба, нанесенного Ником, однако руки у директора были связаны.

– Я понимаю, – медленно проговорила Трейси. – И очень ценю, что вы хотя бы готовы это обсудить. Пожалуйста, сообщите совету, что я всем вам очень благодарна.

После разговора с директором она больше не произнесла ни слова, пока не выехала с территории школы, и только потом яростно обрушилась на сына:

– Как ты не понимаешь! Ты должен ходить в школу, Николас. Это закон. Если тебя выпрут отсюда, учиться все равно придется, просто где-нибудь в другом месте, где могут быть условия строже здешних, а друзей и вовсе нет.

– Ты можешь обучать меня на дому, – простодушно предложил Ник. – Это будет круто.

– О нет! – помотала головой Трейси. – Нет, мистер, на это у тебя ноль шансов. Я лучше глаза себе выколю.

Заниматься с Ником дома – все равно что пытаться обучить дикого шимпанзе хорошим манерам.

– Предлагаю в качестве альтернативы интернат. Как тебе такой вариант?

Ник в ужасе округлил глаза:

– Нет, ты этого не сделаешь!

«Он прав, – подумала Трейси. – Не сделаю, потому что не проживу без него ни дня».

– Запросто.

– Я оттуда сбегу. И вообще зачем мне все это? Дядя Джеф бросил школу в двенадцать лет, а все, что ему требовалось, он выучил в ярмарочном заведении своего дяди Вилли.

– Дядя Джеф не лучшая ролевая модель.

– Почему? Он богат, удачлив, у него отличный бизнес, который дает возможность путешествовать по всему миру.

– Это… не в этом суть! – Трейси чувствовала, как в ней поднимается отчаяние: о Джефе и его «отличном бизнесе» говорить не хотелось.

– Ну хорошо, а Блейк? – стоял на своем Ник. – Он-то ведь хорошая ролевая модель, верно?

– Конечно.

– Он начал работать на ранчо своего отца в моем возрасте, причем на полную ставку.

Они уже доехали до дома. Было еще только время ленча, и Трейси подумывала отправить Ника в его комнату – минус компьютер, телефон и прочие информационные средства. Но даже сама мысль, что ему придется сидеть взаперти целый день и погрузиться в мрачные раздумья, приводила ее в ужас. В результате она отправила сына с двумя работниками расчищать сугробы на верхних пастбищах.

– Хочешь работать на ранчо на полную ставку? – сказала она потрясенному Нику, заталкивая его на заднее сиденье грузовика. – Можешь начать прямо сейчас.

Если повезет, несколько дней боли в спине и обмороженные пальцы излечат его от этой романтической идеи. Кроме того, ей еще придется объяснять последнюю выходку Николаса Блейку Картеру. Трейси буквально слышала слова старого ковбоя: «А я тебя предупреждал!»

– А я тебя предупреждал, – сказал Блейк. – Мне жаль, Трейси, но это правда.

– Не похоже, что тебе жаль, – недовольно отозвалась Трейси, подавая ему тарелку горячего супа-пюре с говядиной и овощами: в дни стресса она любила все измельчать. – Я, знаешь ли, не посылала его туда рисовать. Он не игрушка, которой я могу управлять.

– Согласен. Только на мальчика ты оказываешь огромное влияние, особенно тем, что продолжаешь поощрять подобные поступки.

– Неправда! – воскликнула Трейси. – Как, интересно, я его поощряла?

– Сказала, что рисунки получились хорошие.

– Они и правда очень хорошие.

– Трейси, – нахмурился Блейк, – когда директор Харгривз показал тебе карикатуру с учительницей математики в булочке, ты засмеялась! Прямо при Нике! Ты сама мне об этом сказала.

Трейси беспомощно пожала плечами.

– Знаю. Мне не следовало смеяться, но это было так забавно! Ник очень веселый, и я люблю в нем это, вот в чем проблема, Блейк.

Правда заключалась в том, что Трейси любила в своем сыне абсолютно все: каждый волосок на голове, каждую улыбку, каждый хмурый взгляд. То, что она стала матерью, было для нее величайшим чудом. Появление на свет Николаса оказалось единственным чистым, по-настоящему хорошим делом в ее жизни, не испорченным сожалениями, не омраченным потерей или болью. И Трейси обожала мальчика безоговорочно, несмотря на любой его проступок.

– Было очень сложно сохранять бесстрастное лицо в том кабинете, – призналась она Блейку. – Стоило мне взглянуть на Харгривза, и я вспоминала видео, где он громко пукнул.

Трейси хихикнула, а потом так расхохоталась, что уже не могла остановиться. Все это время Блейк молчал с каменным лицом.

– Мне очень стыдно, – наконец, отсмеявшись, произнесла она.

– Да ну? Что-то непохоже, Трейси. Ты хочешь, чтобы мальчик стал таким же, как его отец?

Трейси отшатнулась, будто ее ударили. Блейк никогда раньше не затрагивал тему происхождения Ника, ни разу. Хотя знал, что отец Ника – Джеф Стивенс. Сначала это были всего лишь подозрения, но, когда Джеф приехал на ранчо и Блейк увидел их с Ником вдвоем, подозрения переросли в уверенность. Однако он никогда не заговаривал об этом с Трейси, не расспрашивал о подробностях, не осуждал… до настоящего момента.

К собственному удивлению, Трейси внезапно захотелось защитить Джефа Стивенса.

– Ты имеешь в виду, хочу ли я, чтобы Ник был веселым, обаятельным, отважным, свободолюбивым?

– Нет, – сердито отрезал Блейк. – Я имел в виду совсем не это, а вот что: хочешь ли ты, чтобы твой сын стал преступником, лжецом и вором. Если да, то ты на верном пути.

Трейси оттолкнула свою тарелку и встала. В глазах ее сверкали слезы.

– Знаешь, Блейк, не имеет значения, чего хочу я или хочешь ты. Ник похож на Джефа. Просто похож! Ты думаешь, что сможешь нотациями или наказаниями выбить из него это? У тебя ничего не получится.

– Допустим. – Блейк тоже встал. – И все же попытаюсь. Сегодня вечером хочу отвезти его в город поужинать и поговорить как мужчина с мужчиной. Кто-то ведь должен объяснить мальчику, что правильно, а что – нет.

– А это еще зачем? – выкрикнула вслед ему Трейси. – Ты у нас что, святее всех святых, Блейк Картер? Ты когда-нибудь задумывался, почему мы с тобой только друзья и не больше? Знаешь ли, ты не идеален!

Блейк не остановился, и Трейси в гневе продолжила:

– Если Ник вырос хулиганом, таким его воспитал ты, не Джеф Стивенс! Ты! Посмотри на себя в зеркало… лицемер!

Блейк кинул на нее взгляд, полный настоящей боли, и вышел, захлопнув за собой дверь.

Остаток дня Трейси посвятила бумажной работе, вечером устроила уборку на кухне, мыла и терла до тех пор, пока все поверхности не засияли, потом переставила книги в библиотеке. Дважды.

«Почему Блейку непременно нужно всех критиковать? И хуже того, почему он всегда оказывается прав?»

День перешел в вечер, вечер – в ночь, работники вернулись с поля, но Ника с ними не было.

– Приехал мистер Картер и забрал его, – объяснил один из них. – Вроде бы отправились в город. Хотите, чтобы мы съездили и привезли его сюда, мэм?

– Нет-нет, все нормально, – успокоила его Трейси. – Идите отдыхать.

Ночь выдалась холодная: без снега, но такая ветреная, что кожу буквально обжигало. Обычно в подобные зимние ночи Трейси любила свернуться клубочком в кресле у камина с книжкой, наслаждаясь теплом и драгоценными одинокими часами, но сегодня поймала себя на том, что не может понять ни слова из прочитанной страницы. Вздохнув, она побрела на кухню приготовить себе что-нибудь, но поняла, что не голодна. Будь Ник дома, они бы вместе посмотрели какое-нибудь шоу, что-нибудь глупое и забавное, вроде «Симпсонов». Но смотреть телевизор в одиночестве она терпеть не могла. В конце концов Трейси сдалась и принялась просто расхаживать по комнате, снова и снова перебирая в голове спор с Блейком, пока не пришла к выводу, что не стоило называть его лицемером: возможно, высоконравственным, надменным и косным, но никак не лицемером.

Он ушел такой обиженный – она действительно поступила жестоко. С другой стороны, Трейси тоже оскорбилась. Неужели она в самом деле заслуживает наказания за то, что любит в

Нике свободный дух? За то, что считает его обаятельным и веселым, даже когда он ведет себя несносно? За то, что всегда встает на его защиту?

Родители Трейси давно умерли, но они тоже всегда были на ее стороне, в особенности отец, хотя, будучи ребенком, она никогда не давала им повода для беспокойства, не переступала черту, не устраивала неприятностей в школе.

«Я была образцовой “хорошей девочкой”. И посмотрите, чем обернулась моя жизнь».

Вполне вероятно (что бы там ни говорил Блейк Картер и все прочие), повзрослев, Ник может стать миссионером или социальным работником. Мальчик-бунтарь вовсе не обязательно превращается в мужчину-бунтаря, правда ведь?

И все-таки не следовало говорить Блейку те слова. Она сразу же перед ним извинится, как только он привезет Ника домой, и поблагодарит за сегодняшний вечер.

Трейси взглянула на часы – 22:15. Уже очень поздно. Большинство ресторанов в Стимботе закрываются в девять вечера. Трейси представила себе, как Блейк, устроившись в кабинке ресторана, разглагольствует перед Ником на тему моральной ответственности до тех пор, пока уши бедного мальчика не свернутся в трубочку.

Надеюсь, с ним все в порядке!

В парадную дверь заколотили, прервав ее размышления. Вернулись! Должно быть, Блейк забыл ключи. Трейси метнулась к двери, а когда распахнула ее, прежде всего заметила мигалку патрульной машины, освещавшую темноту то синим, то белым, затем уставилась на стоявших перед ней двух полицейских.

– Миссис Шмидт?

– Да, – едва слышно ответила Трейси.

Один из копов снял фуражку и посмотрел на нее так, что у нее подкосились ноги.

– Боюсь, произошел несчастный случай.

«Нет, этого не может быть!»

– Похоже, автомобиль мистера Картера слетел с дороги около Кросс-Крика.

«Нет, нет! Блейк очень осторожный водитель».

– Мне очень жаль, миссис Шмидт, но он скончался на месте.

Трейси вцепилась в дверной косяк.

– А Ник? Мой сын?

– С вашим сыном все в порядке. Его отвезли в больницу. Медицинский центр «Ямпа-Вэлли».

Ноги у Трейси подкосились: Блейк мертв – ее Блейк, ее скала! – но в тот миг она испытала только облегчение. Ник жив! Стыдно признаться, но это единственное, что имело значение.

– Его пришлось вырезать из автомобиля, но он в полном сознании сам дошел до «Скорой помощи». Если хотите, мы вас к нему отвезем.

Трейси молча кивнула и направилась к патрульной машине, спотыкаясь в снегу, как зомби.

– Может, накинете пальто, мэм? – предложил коп. – Сегодня очень холодно.

Но Трейси его не услышала и холода не почувствовала.

«Я иду, Ник. Иду, мой родной!..»

В медицинском центре «Ямпа-Вэлли» Трейси Шмидт все знали – она была одним из самых щедрых местных спонсоров, поэтому медсестра сразу же проводила ее в палату к Нику. К огромному облегчению Трейси, Ник был в сознании.

– Привет, мам.

Лицо у сына было все в ссадинах и синяках, нижняя губа дрожала. Трейси крепко прижала его к себе, словно боялась отпускать, и он заплакал.

– Блейк умер…

– Я знаю. Знаю, родной. Ты помнишь, как это произошло?

– Не очень, – всхлипнул Ник. – Блейк сказал, нас кто-то преследует. Вроде бы женщина.

– Какая женщина? – Трейси нахмурилась. – Почему он так решил?

– Не знаю. Я ее толком не видел. Но вроде бы Блейк немного отвлекся. Сначала мы ехали, а потом…

Ник разрыдался.

– Ш-ш-ш. Все будет хорошо, Ники, я обещаю.

Погладив сына по затылку, Трейси ощутила под ладонью шишку величиной с куриное яйцо и, приказав себе не паниковать, спросила:

– Ты себя нормально чувствуешь?

– Вроде да, только голова кружится и хочется спать, а врачи то анализы делают, то обследование какое-нибудь…

– Вот и славно, – весело отозвалась Трейси. – Ты отдохни немного, а я пойду поищу твоего доктора и узнаю, что к чему.

Далеко идти не пришлось. Доктор Нейл Шеридан уже шел по коридору ей навстречу, когда она закрывала за собой дверь палаты Ника. Трейси познакомилась с этим доктором на благотворительном мероприятии по сбору средств для больницы, которое они с Блейком посетили прошлым летом. Помнится, она была тогда в красном бальном платье и с бриллиантовыми сережками, подаренными Джефом в день свадьбы. Блейк сиял от гордости за нее, хотя все вокруг точно знали, что они не пара. Теперь казалось, что это было в другой жизни.

– Миссис Шмидт?

– Я нащупала шишку, – выпалила Трейси, – у него на голове. С ним все в порядке?

– Боюсь, что нет, – мрачно ответил доктор Шеридан.

Все внутри Трейси оборвалось, будто она ехала в лифте, и кто-то внезапно перерезал кабель.

– Что? Что вы хотите этим сказать?

– Необходима операция, причем срочно.

Трейси, не понимая, моргнула. На том торжестве, припомнилось ей, доктор Шеридан показался ей красавчиком, а сейчас омерзительным, как сам дьявол. Зачем он говорит такие ужасные вещи?

– Вот бланки согласия на операцию.

Трейси непонимающе посмотрела на доктора, потом на бланки, которые он совал ей под нос, и, запинаясь, пробормотала:

– Но мы с ним разговаривали только что…

– Да, такое случается. Травмы головы подобного рода не всегда проявляются сразу, порой проходит несколько часов.

– Но он ведь хорошо себя чувствовал! – не желала верить его словам Трейси. – Он почти здоров…

Доктор Шеридан положил ладонь на руку Трейси.

– Нет, миссис Шмидт. Мы провели обследование. Ничего хорошего. Мне жаль. Шишка, которую вы нащупали, – результат обширной травмы головного мозга. Это огромное везение, что он не погиб на месте.

Трейси покачнулась, едва не потеряв сознание.

– Пока еще есть шанс на выздоровление, – сообщил доктор. – Однако без операции ваш сын умрет.

На губах Трейси сформировалось слово «нет», но наружу не вырвалось ни звука.

– Простите, что я вынужден говорить вот так прямо, поскольку время не на нашей стороне. Нужно, чтобы вы подписали эти бланки, миссис Шмидт. Прямо сейчас.

Трейси уставилась на ручку в своей руке. В горле пересохло. Она попыталась сглотнуть, но не получилось. Оглянувшись, Трейси увидела неестественно высокую медсестру, вошед-

шую в палату Николаса. Ее грязные кроссовки оставили на чистом больничном полу следы. Трейси уставилась на эти пятна, пытаясь осознать реальность, так как то, что говорил доктор Шеридан, реальным не было. Не могло быть.

«Это всего лишь розыгрыш. Ужасный, но розыгрыш. Когда я напишу этой ручкой свое имя, мне в лицо брызнут водой, и все начнут хохотать».

– Вот тут.

Доктор Шеридан показал на строчку внизу страницы, и Трейси нацарапала свою фамилию.

– Спасибо. Мы подготовим его к операции немедленно.

– С ним… все будет хорошо? – прохрипела Трейси, с ненавистью ощутив страх в своем голосе. – После операции? Вы же сможете его вылечить, правда?

Доктор Шеридан посмотрел ей в глаза.

– Мы поймем это, когда начнется операция, потому что снимки не дают полной картины.

– Но…

– Я обещаю сообщить результаты сразу же, как только мы закончим, миссис Шмидт.

И он ушел.

Трейси сидела перед операционной и молилась. Она не верила в Бога, но все равно пыталась заключить с ним сделку: «Пусть он выживет, и я сделаю для тебя все, что угодно. Забери лучше меня, а он пусть выживет…»

Если бы только она не затеяла ту идиотскую ссору с Блейком! Он всегда был таким осторожным водителем. Неужели он отвлекся, потому что все еще злился на нее?

Нельзя было позволять ему везти Ника в город. Нужно было дать ему успокоиться.

Все это бесконечно крутилось в голове у Трейси. «Что, если бы я отправила Ника в его комнату, а не на ранчо? Что, если бы его повезла обедать я, а не Блейк? Что, если бы они поехали домой другой дорогой?» И в конце концов, Трейси вообще утратила способность мыслить. Окончательно измучившись, она опустила голову на руки. Если бы Блейк сидел рядом и держал ее за руку! Но Блейка Картера больше никогда не будет рядом. Блейк мертв, ушел навеки, а у Трейси не нашлось ни секунды, чтобы его оплакать: Ник заполнял каждый атом ее существа.

«Просто пусть он выживет, Господи. Пожалуйста, пожалуйста, пусть он выживет!»

Доктор Шеридан – лучший нейрохирург в Колорадо, один из лучших во всей стране. «Забудь о Боге: Ника спасет доктор Шеридан».

На Трейси упала чья-то тень, и, резко очнувшись, она виновато подумала: «Как я могла заснуть в такое время?»

Затем она всмотрелась в лицо доктора Шеридана, и чувство вины сменилось чем-то куда более страшным…

Последним, что услышала Трейси, перед тем как потерять сознание, был ее собственный душераздирающий крик.

Глава 9

– О, Джеф! Джеф! О боже!

Джеф Стивенс почувствовал, что Лианна достигла оргазма, и ухмыльнулся. Он никогда не уставал радоваться тому, что может доставить красивой женщине удовольствие. Все его партнерши говорили, что он потрясающий любовник, но каждая новая – всегда вызов.

– А как же ты, милый? – Лианна растянулась на нем, так что ее восхитительные тяжелые груди оказались у него на груди, как пара порций желе, выпавших из формочек. Дин Клинсманн – счастливчик. Эта девушка с белокурыми волосами и длинными ногами феноменально сексуальна, хотя совершенно по-другому, чем Трейси.

Джеф никогда не спал с такими, как Трейси: опасался, что его сердце будет разбито.

– Разве ты не хочешь кончить? – ворковала Лианна. – Что я могу для тебя сделать?

Она бросила на Джефа многозначительный взгляд и поползла вниз по его телу, подбираясь к паху.

– Право же, ангелочек, – остановил ее Джеф, мягко подтянув обратно, – единственное, чего я сейчас хочу, это есть. Умираю с голоду. Ты не откажешься от байрон-бургера?

– Но… ты же не получил удовлетворения? – Надула губки девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.